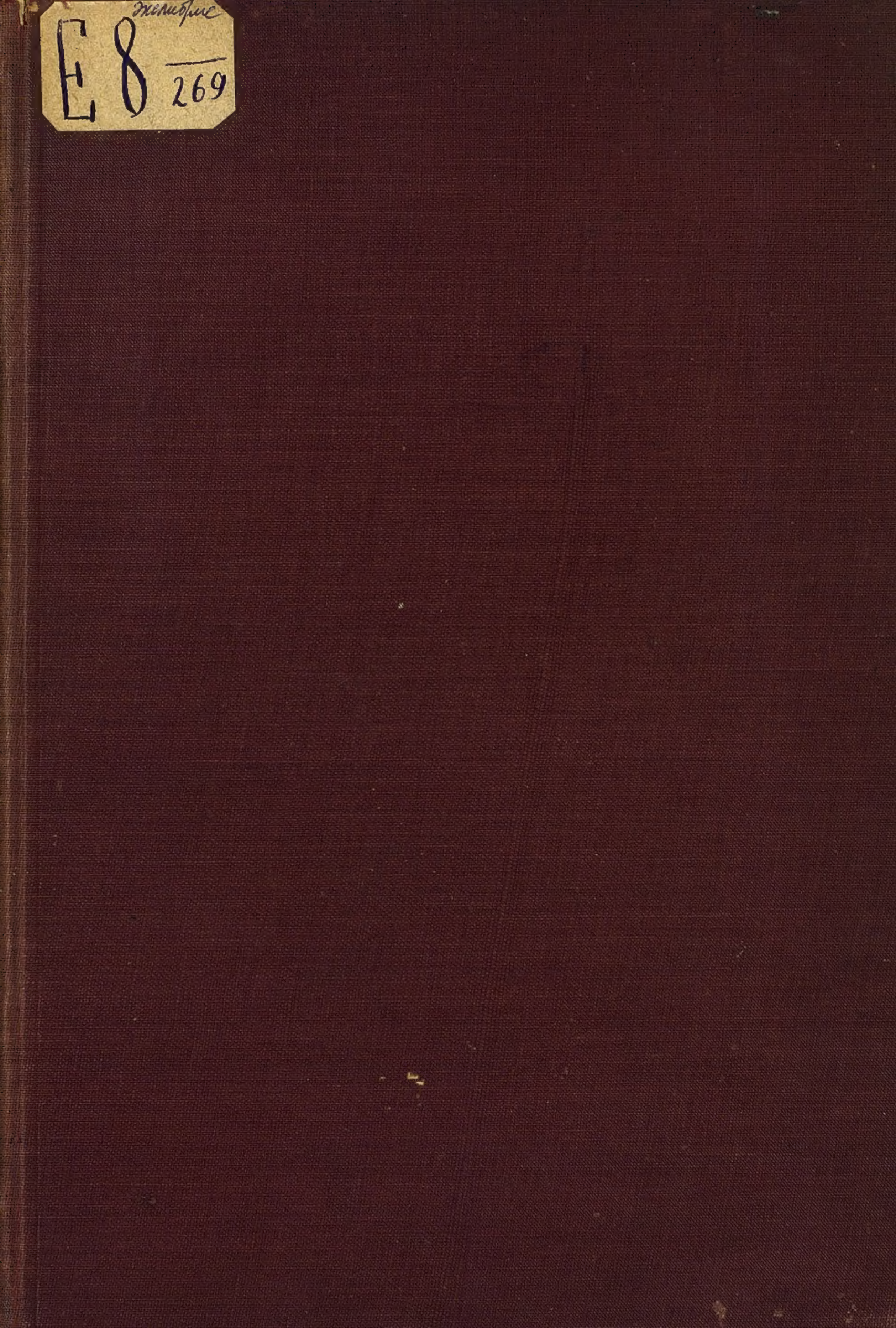

E 8
269

Профессоръ І. Малиновскій.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ-ХУДОЖНИКИ

О

СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

ТОМСКЪ.
Типо-литографія Сибирскаго Т—ва Печатн. Дѣла, уг. Дворянск. ул. и Ямск. пер., с. д.
1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Весною прошлаго, 1909, года изданъ въ Москвѣ „Сборникъ", озаглавленный „О смертной казни. Мнѣнія русскихъ криминалистовъ". „Сборникъ" ставитъ своей задачей „показать, насколько рѣшительно и единодушно люди науки, русскіе криминалисты, осуждаютъ смертную казнь". Задача выполнена: приведены мнѣнія тридцати русскихъ криминалистовъ различныхъ школъ, направленій, политическихъ и общественныхъ взглядовъ; всѣ высказываются противъ смертной казни. Правда, въ „Сборникѣ" не приведены мнѣнія защитниковъ смертной казни. Есть или, лучше сказать, были и такіе въ рядахъ русскихъ криминалистовъ. Но 1), ихъ очень немного; всего только два человѣка: Баршевъ и, отчасти, Лохвицкій. А 2), доводы ихъ очень неубѣдительны; они давно уже опровергнуты. И мы имѣемъ полное основаніе признать, что мнѣнія 30 русскихъ криминалистовъ, приведенныя въ „Сборникѣ", представляютъ изъ себя—приговоръ русской науки по вопросу о смертной казни.

Моя задача—показать, насколько рѣшительно и единодушно осуждаютъ смертную казнь русскіе писатели-художники. Совпаденіе замѣчательное. И въ рядахъ писателей-художниковъ есть защитники смертной казни. Но ихъ тоже очень мало,—всего мнѣ извѣстны только трое. Но доводы ихъ столь же неубѣдительны, сколь неубѣдительны и доводы ихъ единомышленниковъ, ученыхъ криминалистовъ. Громадное большинство писателей-художниковъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ смертной казни. Одни изъ нихъ свой протестъ противъ смертной казни выражаютъ прямо, другіе косвенно: одни говорятъ, что они противъ смертной казни по такимъ то и такимъ то соображеніямъ; другіе не высказываютъ и не доказываютъ своихъ мнѣній о смертной казни; они даютъ художественное изображеніе казни и показываютъ, что казнь—дѣло варварское, безумное, безгранично жестокое, позорное, безчеловѣчное....

Протестъ, который слышится въ художественной литературѣ, имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ тотъ, который раздается

со стороны ученыхъ криминалистовъ: писатели-художники выразители взглядовъ и воззрѣній общественныхъ, носители идеаловъ народныхъ.

Защитники смертной казни: Жуковскій, Даль и Родіоновъ.

Остановлюсь сначала на защитникахъ смертной казни.

Таковы: Жуковскій, Даль и изъ современныхъ писателей Родіоновъ, авторъ нашумѣвшей книги „Наше преступленіе".

Въ собраніи сочиненій Жуковскаго интересующему насъ вопросу посвящена особая статья, такъ и озаглавленная „О смертной казни".

Въ началѣ статьи указывается на развращающее вліяніе публичнаго совершенія казней. Въ Лондонѣ казнили публично мужа и жену. „По поводу этой казни были самыя отвратительныя сцены разврата и скотства въ безчисленной толпѣ всякаго народа, собравшагося полюбоваться зрѣлищемъ конвульсій, съ какими кончили жизнь на висѣлицѣ злодѣи. Эти сцены подали поводъ нѣкоторымъ филантропамъ для новыхъ декламацій противъ смертной казни".

Жуковскій несогласенъ съ „нѣкоторыми филантропами". Ошибочность ихъ мнѣній заключается въ томъ, что они „вмѣсто того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное совершеніе казни, начали нападать на самую казнь, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный самимъ Богомъ".

Самъ Жуковскій отвергаетъ совершеніе казни въ формѣ публичнаго зрѣлища, но защищаетъ смертную казнь, защищаетъ съ христіанской точки зрѣнія.

Онъ отвергаетъ совершеніе казни въ формѣ публичнаго зрѣлища, ибо „зрѣлище смертной казни—такое зрѣлище, какимъ обыкновенно забавляютъ праздный народъ, столь ищущій сильныхъ, чувственныхъ потрясеній—отвратительно само по себѣ, безнравственно по своему впечатлѣнію, и не только не исполняетъ своей цѣли, т. е. не ужасаетъ, не остерегаетъ, не пробуждаетъ совѣсти преступника тайнаго и не воздерживаетъ человѣка, способнаго на явное преступленіе, напротивъ, дѣлаетъ

такъ сказать привлекательною потѣхою ужасъ казни, которая для зрителей получаетъ занимательность трагедій, а для казнимаго уничтожаетъ спасительное дѣйствіе на душу послѣдней его минуты, заставляя его кокетствовать передъ людьми своею фальшивою неустрашимостью и отвлекая его отъ мысли о Богѣ, передъ судилище котораго онъ долженъ явиться такъ скоро... Гдѣ въ этихъ зрѣлищахъ святое? Гдѣ тутъ Богъ, его правда, святыня власти, имъ установленной, величіе, сила закона?“ Нѣтъ ничего: ни святого, ни Бога, ни правды, ни святыни власти, ни величія и силы закона Но такъ не должно быть. Смертная казнь не должна быть отвратительнымъ, безнравственнымъ зрѣлищемъ.

Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Быть можетъ лучше всего уничтожить совершенно смертную казнь?

„Нѣтъ, отвѣчаетъ Жуковскій. Страхъ смерти есть то же въ цѣломъ народѣ, что совѣсть въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величественный, трогающій душу; дайте этому совершенію характеръ **Таинства**, чтобы всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто, принадлежащее къ высшему разряду, а не убой быка на бойнѣ. Сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ актомъ правосудія **гражданскаго**, но и актомъ **любви Христіанской**“.

Какъ же это сдѣлать? „Средство простое“, говоритъ Жуковскій и рисуетъ такую картину совершенія смертныхъ казней:

„Совершеніе казней не должно быть зрѣлищемъ публичнымъ; оно должно быть окружено таинственностью страха Божія... За стѣною, окружающею это мѣсто, толпа должна видѣть только Крестъ, подымающійся на главѣ Церкви, воздвигнутый Богу милосердія въ виду человѣческой плахи“.

„Послѣднія минуты преступника, какъ для спасенія души его, такъ и для благотворнаго поученія на землѣ остающимся, должны быть освящены религіей... Казнь должна возбуждать всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдою, любовь Христіанскую“.

„Разсмотримъ ближе нашъ предметъ: преступникъ осужденъ на смерть, и день, въ который онъ долженъ покинуть землю, объявленъ ему; этотъ день возвѣщенъ и народу. Пускай наканунѣ этого дня призовутъ христіанъ на молитву по церквямъ, пускай

во всѣхъ церквяхъ слышится голосъ христіанъ, умоляющихъ Бога, чтобы грѣшникъ, приступая къ концу своему, съ нимъ примиренный, принялъ смерть съ покаяніемъ на очищеніе души своей и чтобы милосердье Божіе не отвергло души его"....

„Между тѣмъ, внутри темницы и позже на мѣстѣ казни все должно имѣть характеръ примирительно Христіанскій. Осужденный знаетъ, что перейдетъ черезъ Церковь въ уединеніе гроба... При переходѣ отъ тюрьмы къ Церкви встрѣтитъ его Чаша примиренія; на пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ молитвеннымъ пѣніемъ, которое умолкнетъ лишь въ самую минуту смерти. И когда это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой будутъ, конечно, собраны толпы народа, двери ограды будутъ заперты; изъ-за нея будетъ слышно только одно умиляющее пѣніе. Зрѣлище будетъ таинственное, полное страха Божія. И какое зрѣлище! А когда пѣніе вдругъ замолчитъ, что представитъ себѣ растроганное воображеніе?..."

Жуковскій увѣренъ, что такое зрѣлище не будетъ отвратительнымъ и безнравственнымъ. Наоборотъ: „такой образъ смертной казни будетъ въ одно время и величественнымъ актомъ человѣческаго правосудія, и убѣдительною проповѣдью для нравственности народа".

Статья Жуковскаго „О смертной казни" написана въ 1849 г. Тогда не было массовыхъ казней, какъ въ наши дни. Тогда вопросъ о казняхъ былъ вопросомъ академическимъ. Жуковскій поднимаетъ этотъ вопросъ въ своей статьѣ не по поводу отечественной практики, а по поводу случая казни въ Англіи. Если бы Жуковскій дожилъ до нашего времени, не измѣнилъ ли бы онъ своихъ взглядовъ?

Припоминается другой принципіальный защитникъ смертныхъ казней—недавно умершій знаменитый ученый Ламброзо. Оставаясь въ области чистой теоріи, онъ защищалъ смертную казнь. Но достаточно было даже отдаленнаго знакомства съ современной русской дѣйствительностью, чтобы измѣнить мнѣніе о необходимости казней.

Другой защитникъ смертной казни—В. И. Даль. Жуковскій не соглашался съ „нѣкоторыми филантропами", выступавшими „съ декламаціями противъ смертной казни". Даль не соглашается

съ тѣми „человѣколюбцами“, которые „ратуютъ противъ смертной казни“. Но основанія несогласія различны. Жуковскій исходитъ изъ принципіальныхъ соображеній, защищаетъ смертную казнь съ христіанской точки зрѣнія. Даль исходитъ изъ соображеній цѣлесообразности, продиктованныхъ временными условіями жизни.

Въ „Картинахъ русскаго быта (январь)“ онъ изображаетъ безпомощность русскаго крестьянина въ борьбѣ съ преступленіями противъ личности и имущества. И преступность, и безпомощность въ борьбѣ съ нею вызваны, конечно, прежде всего и главнымъ образомъ условіями русской жизни, вообще, и крестьянской,— въ частности. Нужно измѣнить эти условія: нужны реформы администраціи и суда, нужно улучшить экономическое положеніе крестьянина. Тогда объемъ преступленій, совершаемыхъ въ крестьянской средѣ, сократится. Тогда и борьба съ преступленіями облегчится.

Даль придерживается иныхъ взглядовъ: смертныя казни со стороны правительства или самосудъ со стороны населенія—единственное средство избавиться отъ преступниковъ. „Вотъ, говоритъ онъ, каково положеніе нашего мужика, и вотъ отвѣтъ тѣмъ человѣколюбцамъ, кои, ничего не зная, ничего на себѣ не испытавъ, изъ одного тщеславьишка, пышнорѣчиво, спуста ратуютъ противъ смертной казни, и всегда готовы великодушничать насчетъ другихъ, храня и оберегая звѣрскихъ негодяевъ и не заботясь объ участи порядочныхъ людей! Развѣ нѣтъ за это никакого отвѣта ни передъ людьми, ни передъ Богомъ, если взять такого человѣка, заставить выдать его, и выпустить опять изъ рукъ живьемъ, и снова натравить его на несчастный народъ? Такъ не бери его, пусть народъ самъ управится, и не взыщи на томъ!“

Подобно Далю, на фонѣ условій крестьянской жизни разсматриваетъ вопросъ о смертной казни писатель нашихъ дней Родіоновъ.

Въ книгѣ И. Родіонова „Наше Преступленіе“ выводится защитникъ смертной казни въ лицѣ доктора Ивана Ивановича. Его возмущаютъ тѣ кровопролитія, какія совершаются крестьянами въ пьяномъ видѣ, возмущаетъ и „деликатное“ отношеніе суда къ виновникамъ этихъ кровопролитій. По его мнѣнію, необходимо

усилить репрессіи. Въ частности, „за пьяныя убійства непремѣнно (надо) вѣшать, иначе ничѣмъ не остановить кровавого потока". Докторъ вполнѣ одобряетъ дѣятельность военныхъ судовъ, постановляющихъ смертные приговоры: они „хорошо дѣлаютъ". „Еслибы у насъ, скажемъ, говоритъ онъ, въ уѣздѣ вздернули трехъ четырехъ за пьяныя убійства, повѣрьте, одной жестокой мѣрой спасли бы сотни жизней, а сколько такихъ уѣздовъ въ Россіи? сочтите... Это освѣжающе подѣйствовало бы, потому что другіе пьяные буяны прежде, чѣмъ всадить ножъ въ бокъ своему пріятелю или раскроить ему топоромъ черепъ, призадумались бы и о своихъ головахъ".

Единомышленникомъ доктора является отставной полковникъ. Его тоже возмущаютъ снисходительные приговоры судовъ. Онъ сторонникъ жестокихъ каръ „Гдѣ они живутъ?—говоритъ онъ о судьяхъ, признавшихъ наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ по дѣлу объ убійствѣ. На небѣ, что ли? Не понимаютъ что этихъ звѣрей, рвань эту проклятую только и можно усмирить казнями, каторгой, пытками"...

Выводится еще одинъ защитникъ смертной казни—богатый мужикъ съ каменнымъ лицомъ. Онъ попалъ въ присяжные засѣдатели. Разбиралось дѣло объ убійствѣ, совершенномъ пьяными. Дать или не дать снисхожденіе убійцамъ? Этотъ вопросъ обсуждали въ совѣщательной комнатѣ присяжные. Онъ высказался за то, чтобы снисхожденія не давать. Онъ говорилъ: „Я такъ сужу, что по нонѣшнему народу одно: ты, скажемъ, пьяный убилъ человѣка, лишилъ его жисти, тогда кровь за кровь—иди на висѣлицу. Пьянъ то ты пьянъ, а объ уголъ себѣ голову не расшибъ; а расшибъ другому, ну, и отвѣчай... Вотъ, скажемъ, это дѣло. Трое убили одного. Ну, поставили на томъ мѣстѣ, гдѣ убили, рядомъ шесть столбовъ съ тремя перекладинами, и на каждую перекладину и вздернуть по одному.... пущай поболтаются"...

Такъ говорятъ въ повѣсти г. Родіонова докторъ, отставной полковникъ и богатый мужикъ съ каменнымъ лицомъ. Въ изображеніи нашего автора, все это люди, преисполненные мудрости: они прекрасно знаютъ русскую деревню, русскаго мужика; знаютъ, что мужикъ—звѣрь; знаютъ, какъ обуздать звѣря, сдѣлать изъ него человѣка. Средство: безпощадныя кары, въ частности—смертная казнь. Симпатіи автора на сторонѣ этихъ мудрыхъ людей.

Онъ раздѣляетъ ихъ мнѣнія, онъ тоже на сторонѣ безпощадныхъ каръ, онъ защитникъ смертной казни *).

Оцѣнка доводовъ въ защиту смертной казни.

Вотъ, повидимому, и все, что сказано писателями-художниками въ защиту смертной казни.

Жуковскій защищаетъ смертную казнь съ религіозной точки зрѣнія.

Противъ такой защиты возражалъ покойный Владиміръ Соловьевъ. Еще въ дѣтствѣ онъ слышалъ такое опредѣленье его отца, знаменитаго историка: „смертная казнь—это мерзость, это измѣна христіанству". Съ тѣхъ поръ отрицаніе этой мерзости сдѣлалось въ немъ постоянной идей. Въ частности, Вл. Соловьевъ отрицаетъ эту мерзость съ религіозной точки зрѣнія. По его мнѣнію, „ссылаться на библію вообще въ пользу смертной казни—свидѣтельствуетъ или о безнадежномъ непониманіи или о безпредѣльной наглости" **).

Горячо возражалъ и возражаетъ противъ оправданія смертной казни съ религіозной точки зрѣнія Л. Н. Толстой. Съ его взглядами познакомимся ниже

А недавно ученый богословъ проф. Кіевской Духовной Академіи В. И. Экземплярскій посвятилъ специальную статью мнѣніямъ духовенства о смертной казни ***). Въ статьѣ приведены безспорныя доказательства въ пользу того, что нельзя защищать смертную казнь съ христіанской точки зрѣнія.

Да и нужны ли научныя богословскія доказательства? Развѣ не очевидно, что смертная казнь въ корнѣ противорѣчитъ духу евангельскаго ученія Христа, ученія о любви, милосердіи, всепрощеніи?... Еще въ 1868 году И. С. Аксаковъ писалъ: „Для воспитаннаго на словѣ евангельскомъ общества вполнѣ ясно и несомнѣнно, что убіеніе человѣка, совершаемое хотя бы мечомъ государства, противно ученію и разуму ученія Христа" ****).

---

*) И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. 4 изд. СПБ., 1910, стр. 107, 393, 415.

**) Статья Вл. Соловьева въ сборникѣ „Противъ смертной казни". Изд. 2, стр. 11.

***) Труды Кіевской Духов. Акад., 1907, мартъ.

****) „Москва", 1868 г., 24 апрѣля.

Это явное и несомнѣнное противорѣчіе смертной казни ученію Христа прекрасно изображено въ стихотворномъ переложеніи извѣстнаго разсказа (изъ книги Кони) о митрополитѣ Филаретѣ и докторѣ Гаазѣ, принадлежащемъ поэту Минскому:

„Вь тѣ дни, когда изъ духа мщенья
Законъ каралъ безъ сожалѣнья,
И кару совершалъ палачъ,—
Жилъ въ Москвѣ тюремный врачъ,
Слова Христовы чтившій свято,
Дитя душой, несчастнымъ другъ,
Въ преступникѣ жалѣвшій брата,
Въ злодѣйствѣ видѣвшій недугъ.
Семьѣ острожной, духомъ нищей,
Служилъ онъ молча безъ хвалы,
Смотрѣлъ за платьемъ ихъ и пищей
И облегчалъ имъ кандалы.
Однажды къ плахѣ присужденный,
Клялся, рыдая предъ врачемъ,
Что неповиненъ онъ ни въ чемъ.
Его слезами убѣжденный,
Искать заступы врачъ предсталъ
Передъ лицомъ митрополита.
Но пастырь выслушалъ сердито
Его разсказъ и отвѣчалъ:
„Не можетъ быть, чтобъ осужденный
Страдалъ невинно; судъ законный
Свое рѣшенье произнесъ,—
Вотъ противъ узника улика“.
И врачъ воскликнулъ: „А Христосъ?
О немъ забыли вы, владыко!...“
И всѣ, кто былъ тамъ, услыхавъ
Такое слово, онѣмѣли:
Они владыки знали нравъ
И въ страхѣ на врача глядѣли.
А пастырь смолкъ, челомъ поникъ,
Укоръ нежданный обсуждая,
И, наконецъ, сказалъ, вздыхая:

„Когда мой суетный языкъ
Глумился надъ несчастнымъ братомъ,
Не я—о Господѣ распятомъ,—
Богъ обо мнѣ забылъ въ тотъ мигъ".

Христіанская точка зрѣнія на смертную казнь изображена также въ стихотвореніи поэта Полежаева „Грѣшница". Это переложеніе евангельскаго разсказа о Христѣ и блудницѣ.

Даль и Родіоновъ защищаютъ смертную казнь съ точки зрѣнія цѣлесообразности: она устрашаетъ. Достаточно въ любомъ учебникѣ уголовнаго права прочитать главу о смертной казни, чтобы убѣдиться въ несостоятельности такого довода. Смертная казнь не устрашаетъ. Таково мнѣніе ученыхъ криминалистовъ. Оно находитъ подтвержденіе въ художественной литературѣ.

Смертная казнь не устрашаетъ. Это прежде всего относится къ случаямъ казни такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ. Въ произведеніяхъ художественной литературы политическіе преступники, осужденные на казнь, изображаются борцами и мучениками за идею.

Въ стихотвореніи Минскаго „Послѣдняя исповѣдь" осужденный на казнь за политическое преступленіе говоритъ:

„Народъ! народъ! женихъ свою невѣсту
Не любитъ такъ, какъ я любилъ тебя!
Народъ... Мой слухъ ласкало это слово,
Какъ музыка небесъ... Въ часы сомнѣнья
Я воскресалъ мечтою о тебѣ,
Какъ жаркою молитвой. Домъ родимый,
Отца и мать безропотно я бросилъ
И лишь тебѣ, какъ бы отшельникъ Богу,
Я посвятилъ всю жизнь, всѣ силы духа...
Съ тѣхъ поръ иныхъ не вѣдалъ я печалей,
Съ тѣхъ поръ иныхъ я радостей не зналъ.
Тамъ, въ тишинѣ твоихъ полей просторныхъ,
Тамъ въ суетѣ твоихъ лачужекъ тѣсныхъ—
Тамъ плакало, тамъ радовалось сердце"...

Преступники политическіе, по собственному убѣжденію, невинныя жертвы за народъ. Они убѣждены въ своей правотѣ. И никакія муки и казни не могутъ поколебать такого убѣжденія.

П. Л. Лавровъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Апостолъ“) даетъ такую заповѣдь борцу за права человѣка:

„Когда же, къ радости враговъ,
Ты попадешься власти въ руки,
Не поблѣднѣешь ты предъ ней,
Въ оковахъ, обреченъ на муки.
И если радостный палачъ
Тебя, съ улыбкой безсердечной,
Нахально спроситъ: „Чья взяла?“
Отвѣть: „моя взяла, конечно!“

Въ стихотвореніи поэта М. Савина „Правда“ политическій преступникъ изображается мученикомъ, пострадавшимъ за правду. Ореолъ мученичества даетъ ему силы—мужественно встрѣтить смерть. Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

„Это кто на эшафотѣ,
Весь во власти палача,
Не дрожитъ при видѣ плахи,
Не пугается меча,
Но насилье обличая,
Бьетъ безъ устали въ набатъ?
Это вѣчная, святая
Правда, мученица, братъ!“

Приговоренный къ смерти политическій преступникъ „не дрожитъ при видѣ плахи, не пугается меча“. Въ произведеніяхъ русской художественной литературы изображено много случаевъ мужественной стойкости и твердости духа обреченныхъ на казнь за идею. Ниже мы познакомимся съ ними.

И если политическій преступникъ, уже приговоренный къ смерти, обнаруживаетъ мужественную стойкость, не поддается чувству страха, то нѣтъ основанія думать, что одна только угроза возможной, гадательной казнью въ отдаленномъ будущемъ можетъ удержать человѣка отъ совершенія политическаго преступленія. Безсильны казни, безсильны и угрозы казнями.

Въ стихотвореніи Н. Морозова „Древняя легенда“ за правду страдающіе говорятъ угнетающимъ:

„Не помогутъ вамъ казни безчисленныя..
Вы не страшны для насъ угнетающіе,
Хоть умремъ мы въ глуши отъ меча,

Вѣчной жизни струи обновляющія
Не пресѣчь вамъ рукой палача".

Если въ основѣ политическаго движенія лежатъ животворныя идеи, способствующія обновленію жизни, то ряды участниковъ движенія неминуемо будутъ увеличиваться, не смотря на казни и угрозы казнями.

Въ основѣ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій нѣтъ такихъ животворныхъ идей. Быть можетъ угроза смертною казнью за такія преступленія въ состояніи вселить страхъ и удержать отъ совершенія ихъ?. Нѣтъ, говорятъ криминалисты. Нѣтъ, говорятъ и писатели-художники.

Преступный міръ не разъ вдохновлялъ художниковъ слова. Яркое изображеніе этого міра дано, напримѣръ, въ поэмѣ Пушкина „Братья-разбойники". Не животворная идея, заключающая въ себѣ зерно обновленія и прогресса общественной жизни, объединяетъ „шайку удалыхъ". Наоборотъ,—то, что ихъ объединяетъ, ведетъ къ разрушенію, подрываетъ корни человѣческаго общежитія.

„Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье".

Поэма оканчивается словами:

„Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день".

Въ поэмѣ и разсказывается о томъ, какъ для одного изъ разбойниковъ наступилъ черный день и какъ тогда въ немъ „разгорались докучной совѣсти мученья". Но наступленіе такого чернаго дня не стоитъ въ связи съ угрозой законодателя смертными казнями Пока день не наступилъ, совѣсть спитъ, а угроза казнью остается мертвой буквой для преступника. Онъ продолжаетъ совершать преступленія, хотя знаетъ объ ожидающей его казни.

Въ поэмѣ Лермонтова „Преступникъ" „атаманъ честной" сознается, что страхъ казни нападалъ на него:

„Безъ страха
Не могъ я спать; мечтались мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха".

И, не смотря на это, онъ продолжаетъ вести преступную жизнь: страхъ казни не удерживаетъ отъ преступленій.

Въ поэмѣ Пушкина „Анджело" тоже находимъ подтвержденіе той мысли, что угроза смертной казнью не удерживаетъ отъ преступленій.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой былъ жестокій законъ: онъ изрекалъ прелюбодѣю смерть. Никто не помнилъ и не слыхалъ, чтобы этотъ законъ исполнялся. Анджело, вельможа, сдѣлавшійся намѣстникомъ Дука, „открылъ его и въ страхъ повѣсамъ городскимъ опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья". Угроза смертной казни удержала ли отъ прелюбодѣяній? Вотъ отвѣтъ поэта:

„Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила.
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой".

Въ „Капитанской дочкѣ" Пушкина нарисована потрясающая картина: простонародную пѣсню про висѣлицу поютъ люди, обреченные висѣлицѣ. Они знаютъ, что ихъ ждутъ среди поля хоромы высокія—два столба съ перекладиной. Знаютъ и.. продолжаютъ дѣлать то, что дѣлали и за что ихъ ждетъ впереди висѣлица.

Подобная же картина нарисована гр. А. Толстымъ въ романѣ „Князь Серебряный". Въ главѣ „Ванюха Перстень и его товарищи" изображается бесѣда шайки удалыхъ. Атаманъ разсказываетъ. Разбойники его слушаютъ. „Замолчалъ атаманъ и задумался. Задумались и разбойники. Опустили они буйныя головы на груди могучія и поглаживали молча усы длинные и бороды широкія. О чемъ думали молодцы разудалые, сидя на полянѣ среди лѣса дремучаго? О молодости ли своей погибшей, когда

были еще честными воинами и мирными поселянами? О матушкѣ ли Волгѣ серебряной? Или о дивномъ богатырѣ, про котораго разсказывалъ Перстень? Или думали они о хоромахъ высокихъ среди поля чистаго, о двухъ столбикахъ съ перекладиной, о которыхъ, въ минуту грусти, думала въ то время всякая лихая, забубенная голова?“

Думали о столбахъ съ перекладиной и... все таки продолжали дѣлать то, за что угрожали эти столбы съ перекладиной. Угроза смертной казнью не удерживаетъ отъ преступленій.

Смертная казнь въ произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова.

Противниковъ смертной казни въ художественной литературѣ гораздо больше, чѣмъ защитниковъ. Въ XIX вѣкѣ протестъ противъ смертной казни раздается въ сочиненіяхъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Хомякова, Тургенева, гр. А. Толстого, Островскаго, Достоевскаго, Надсона, Чехова, Л. Н. Толстого и др.

Пушкинъ—противникъ смертной казни. Онъ идеализируетъ дикихъ цыганъ, которые не терзаютъ, не казнятъ, которымъ не нужно крови и стоновъ и которые не хотятъ жить съ убійцей. („Цыгане“).

Въ „Полтавѣ“ нарисована картина казни Кочубея и Искры.

„Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу—шевелится.
Средь поля—роковой помостъ
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ—и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернію веселой....
А тамъ, по кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,

Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось;
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы—за враговъ... И вотъ
Идутъ они, взошли... На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ, тьмы людей
Молчатъ Топоръ блеснулъ съ размаху,—
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава...
И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ поднялъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.
Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой
И про свои заботы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу подымали
Два казака дубовый гробъ".

Эта поэтическая картина—протестъ художника противъ смертной казни. Художникъ какъ бы говоритъ читателю, что смертная казнь—страшное, непоправимое зло, что народъ противъ казни, что онъ молится за казнимыхъ, что казнь развращаетъ палача, что толпу она не устрашаетъ, не устрашаетъ и казнимаго.

Смертная казнь не устрашаетъ толпу. Толпа смотритъ на казнь, какъ на забавное зрѣлище; по окончаніи зрѣлища спокойно переходитъ къ повседневнымъ заботамъ. Иначе и быть не могло въ вѣка варварства, когда смертная казнь была обычнымъ явленіемъ. Въ „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ" Пушкинъ указываетъ на результаты этой привычки съ смертнымъ казнямъ.

Рыцари приговорили къ висѣлицѣ одного изъ вассаловъ. Во время пирушки вспомнили, что приговоренный—миннезингеръ. Заставляютъ его пѣть. И вотъ приговоренный къ смерти поетъ—сначала заунывную пѣсню, потомъ веселую. Рыцари довольны пѣніемъ, и все таки оставляютъ въ силѣ свое рѣшеніе—повѣсить. „Пѣсня пѣсней, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ".

Тюремщикъ въ тѣхъ же „Сценахъ..." говоритъ о казняхъ, какъ о чемъ то малозначущемъ: „Простыхъ людей мы, слава Богу, вѣшаемъ каждую пятницу, и никогда съ ними никакихъ хлопотъ. Прочтутъ имъ приговоръ, священникъ причаститъ ихъ на скорую руку,—дадутъ бутылку вина; коли есть жена и ребятишки, коли отецъ или мать еще живы, впустятъ ихъ на минуту, а чуть лишь слишкомъ завоютъ или заболтаются, такъ и вонъ милости просимъ. На разсвѣтѣ придетъ за ними Жакъ-палачъ—и все кончено".

Но и привычка къ смертнымъ казнямъ не могла окончательно, съ корнемъ, вырвать изъ человѣческаго сознанія мысль о томъ, что казни—зло и позорное зло.

Когда Кочубей и Искра были казнены,

„Мазепа, грозенъ, удалялся
От мѣста казни. Онъ терзался
Какой то страшной пустотой"...

Укоры совѣсти терзали Мазепу, а между тѣмъ онъ жилъ тогда, когда казни были обычнымъ явленіемъ.

Бояре московскіе временъ Ивана Грознаго привыкли къ смертнымъ казнямъ. Но они недовольны, что Годуновъ сдѣлался ца-

ремъ, ибо недостоинъ царскаго вѣнца „зять палача и самъ въ душѣ палачъ".

Шуйскій (въ „Борисѣ Годуновѣ") говоритъ Воротынскому:

„Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашнія рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача, и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха".

Устрашаетъ ли казнь приговоренныхъ къ смерти? Во всякомъ случаѣ не всѣхъ. Кочубей и Искра мужественно встрѣтили смерть.

Кочубей былъ совершенно спокоенъ наканунѣ казни:

„Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? Желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ суровый".

Искра ѣхалъ къ мѣсту казни „тихій, равнодушный, какъ агнецъ, жребію послушный. На мѣстѣ казни и Кочубей и Искра молились за своихъ враговъ.

Мужественную стойкость духа проявили педредъ казнью комендантъ и поручикъ въ „Капитанской Дочкѣ".

На вопросъ Пугачева: „какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему Государю?—комендантъ, изнемогающій отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣтилъ твердымъ голосомъ: „ты мнѣ не государь: ты—воръ и самозванецъ". Послѣ такого отвѣта спокойно пошелъ на висѣлицу. Поручикъ отказался присягнуть Пугачеву и тѣмъ спасти свою жизнь. „Ты намъ не государь", отвѣтилъ онъ, „повторяя слова своего начальника: ты, дядюшка,—воръ и самозванецъ". И тоже спокойно пошелъ на висѣлицу.

Мужественная стойкость духа передъ казнью—удѣлъ немногихъ. Большинство слишкомъ любитъ жизнь и испытываетъ ужасъ въ ожиданіи смерти. Гораціо въ поэмѣ „Анджело" является олицетвореніемъ такого большинства. Онъ говоритъ:

„ Умереть;
Идти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть
Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,

Или во льду застыть; иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ пространствомъ безконечнымъ.
И все, что грезится отчаянной мечтѣ. ..
Нѣтъ, нѣтъ: земная жизнь въ болѣзни, въ нищетѣ,
Въ печаляхъ, въ старости, въ неволѣ... будетъ раемъ
Въ сравненьи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ".

Протестъ Пушкина противъ смертной казни слышится въ отрывкѣ ,,Опричникъ". Ужасомъ вѣетъ отъ описанія площади, на которой наканунѣ совершались казни:

„Площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы,
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ.
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ."

По этой „грозной площади" несется во весь опоръ на конѣ одинъ изъ исполнителей казни—молодой опричникъ. Вдругъ конь, какъ вкопанный, остановился:

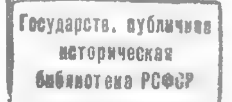
,,Во мглѣ между столбовъ
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ".

Конь храпитъ, фыркаетъ, рвется назадъ и, наконецъ, ,,подъ трупомъ вихремъ проскакалъ".

Протестъ противъ смертной казни слышится и въ стихотвореніи, начинающемся словами: ,,Сказали разъ царю"... Поэтъ бичуетъ того, кто ,,ругается надъ жертвой палача".

Въ ноябрѣ 1823 г. было получено въ Россіи извѣстіе о казни Ріэго [1]). Графъ М. С. Воронцовъ воскликнулъ: „Quelle heureuse nouvelle, Sire!". По поводу этого восклицанія Пушкинъ написалъ стихотвореніе:

[1]) Ріего-и-Нуньецъ, испанскій революціонеръ начала XIX в., одно время—предсѣдатель палаты депутатовъ; авторъ испанской марсельезы; былъ приговоренъ къ повѣшенію.

,,Сказали разъ царю, что, наконецъ,
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
,,Я очень радъ", сказалъ усердный льстецъ:
,,Отъ одного мерзавца міръ избавленъ".
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ,—
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я,—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства".

Протестъ поэта противъ смертной казни слышится и въ поэмѣ ,,Анджело". Молодой потрицій Клавдіо на точномъ основаніи закона присужденъ къ смерти. Поэтъ называетъ такое законное постановленіе суда—„ужаснымъ приговоромъ; жестокимъ, безчеловѣчнымъ рѣшеніемъ." Наоборотъ, поэтъ воспѣваетъ стараго Дука, простившаго того, кто на точномъ основаніи закона былъ достоинъ казни.

Лермонтовъ касается вопроса о смертной казни въ ,,Бояринѣ Оршѣ" и въ ,,Пѣснѣ про купца Калашникова..."

Въ поэмѣ „Бояринъ Орша" смертная казнь изображается, какъ ненормальное явленіе. Осужденный на смерть Арсеній даетъ показанія. Онъ смѣло бросаетъ въ глаза своимъ судьямъ, что судъ, постановившій смертный приговоръ,—не Божій судъ, а судъ людской. Люди же могутъ ошибаться. Постановляя смертный приговоръ, они дѣлаютъ ошибку непоправимую. Вѣдь смертная казнь—нецѣлесообразна, вѣдь она не дѣло, угодное Богу. Онъ говоритъ, обращаясь къ старцу-судьѣ:

„Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои

Имъ не присвоить,—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь"...

Далѣе тотъ же осужденный на смерть юноша Арсеній говоритъ тому же старцу-судьѣ, что смертная казнь есть нарушеніе законовъ природы, согласно которымъ родившійся имѣетъ право на то, чтобы жить и радоваться радостямъ жизни:

„Съ жизнью жаль разстаться мнѣ:
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ.
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трешинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ—я также могъ бы жить".

Смертная казнь—дѣло рукъ человѣческихъ, и при томъ злое, жестокое дѣло. Любитель этого дѣла царь Иванъ Грозный выставляется въ „Пѣснѣ..." Лермонтова[1] чудовищемъ, внушающимъ ужасъ и отвращеніе. Онъ „жалуетъ своею милостью" купца Сте-

пана Калашникова: велитъ „топоръ наточить-навострить, палача одѣть-нарядить, въ большой колоколъ звонить и казнить удалого бойца смертью лютою, позорною“.

Чудовищемъ выставляется и палачъ,—исполнитель казни:

„По высокому мѣсту лобному,
Въ рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ“.

Пушкинскіе и лермонтовскіе мотивы у другихъ поэтовъ.

Тѣ стороны вопроса о смертной казни, которыя затронуты Пушкинымъ и Лермонтовымъ, разрабатываются и другими писателями-художниками.

Для толпы, по мнѣнію Пушкина, смертная казнь—забавное зрѣлище. То же увидимъ ниже у Гоголя. То же у В. Гиляровскаго въ стихотвореніи „Стенька Разинъ“. Изображается кровожадность толпы, которая на казнь смотритъ какъ на забавное зрѣлище.

„На помостъ высокій
Разинъ съ Фролкой спокойно идетъ,
Мирно колоколъ гдѣ то далекій
Православныхъ молиться зоветъ;
Тихо дальніе тянутся звуки,
А народъ недвижимый стоитъ:
Кровожадный, ждетъ Разина муки—
Часъ молитвы для казни забытъ.“

Въ томъ же стихотвореніи В. Гиляровскаго (а также въ „Князѣ Серебряномъ“ гр. Ал. Толстого, какъ увидимъ ниже) слышится и другой пушкинскій мотивъ: народъ чувствуетъ состраданіе къ осужденному, прощаетъ его:

„На востокъ горячо помолился
Атаманъ, полный воли и силъ,
И народу кругомъ поклонился:
—Православные, въ чемъ согрубилъ,
Все простите, виновенъ не мало,
Катъ за дѣло Степана казнитъ,

Виноватъ я... Въ отвѣтъ прозвучало:
„Мы прощаемъ и Богъ тя проститъ“.

Мужественную стойкость и самообладаніе осужденнаго на казнь изображаютъ Пушкинъ и Лермонтовъ. То же увидимъ у Гоголя, у гр. Ал. Толстого и у многихъ беллетристовъ XX вѣка. Здѣсь остановимся на поэтахъ. Многіе поэты указываютъ на эту черту—мужественную стойкость передъ казнью,—главнымъ образомъ, у такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ и, вообще, у пострадавшихъ за идею.

Вотъ картина казни извѣстнаго государственнаго дѣятеля XVIII в. кабинетъ-министра Волынскаго, нарисованная декабристомъ Рылѣевымъ:

„Къ мѣсту казни съ торжествомъ
Шелъ бодро вѣрный сынъ народа,
Пришелъ... увидѣлъ палача—
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча—
И кровью освятилась плаха“.

А вотъ отрывокъ изъ стих. Полежаева „Пѣснь плѣнного ирокезца“:

„Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ,
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю! не скажу ничего.
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой“.

Въ стихотвореніи Минскаго „Послѣдняя Исповѣдь“ осужденный по политическому дѣлу говоритъ:

„Какъ надо жить, людей не научилъ я,
Но покажу, какъ надо умирать.
Пусть палачи отъ злобы поблѣднѣютъ“.

И онъ исполнилъ свое слово.

Полное самообладаніе и мужество передъ казнью обнаруживаетъ Стенька Разинъ въ стих. В. Гиляровскаго того же названія.

До казни:

„Надо всѣмъ Степанъ смѣется,
И казнь, и пытки—ничего“.

День казни:

„Атаманъ и разбойникъ мятежный
Гордо всталъ у столба впереди.
Къ Степану съ сѣкирою длинной
Катъ пришелъ... Не дрогнулъ атаманъ.
Катъ топоромъ размахнулся,
И рука откатилася прочь.
Дрогнулъ помостъ, народъ ужаснулся...
Хоть бы стонъ“...

Мужественно встрѣчаетъ смерть Стенька Разинъ и въ стихотвореніи Амфитеатрова: у Стеньки „ въ душѣ—ни скорби, ни боязни не было“, когда онъ уже былъ на мѣстѣ казни.

Мужественно встрѣчаютъ казнь—поэтъ Луканъ, мудрецъ Сенека и эпикуреецъ Люцій въ лирической драмѣ Майкова „Три смерти“. Люцій предпочитаетъ „умереть, шутя, чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя, безъ пользы“. Сенека отвергаетъ услуги своего ученика, подготовившаго побѣгъ учителя; онъ не боится смерти; говоритъ ученику: „мой другъ, не дважды умирать! разъ—это праздникъ“. Луканъ тоже отказывается бѣжать; онъ прощается съ пышными мечтаніями, которыхъ осуществить не могъ, и спокойно подчиняется своей судьбѣ—умереть, „какъ Богъ, средь начатого мірозданья“.

Въ драматической хроникѣ Островскаго „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ выведенъ типъ борца за идею въ лицѣ приказнаго дьяка Тимоѳея Осипова. Онъ смѣло обличаетъ самозванца: называетъ его разстригой, а не царемъ, служителемъ сатаны, рабомъ грѣха. Казни не боится. Говоритъ самозванцу:

„Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти
И, причастясь Святыхъ Христовыхъ Таинъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо,—
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.
Придетъ пора, то время недалеко,
И смерть моя тебѣ завидна будетъ".

Исторія первыхъ вѣковъ христіанства знаетъ много безстрашныхъ борцовъ за идею. Типы этихъ борцовъ, не боящихся казней, выведены и въ произведеніяхъ русской литературы.

Христіанка въ стих. Барыковой „Мученица" спокойно стояла передъ судомъ: „ей лютая пытка и казнь не страшна". Судъ приговорилъ: „въ циркъ отослать голоднымъ звѣрямъ на съѣденье". Въ циркѣ стояла, не блѣднѣя. А когда настала пора, „съ кроткой улыбкой на встрѣчу пошла она къ разъяренному звѣрю".

Такое же самообладаніе обнаруживаетъ христіанка-мученица и въ стихотвореніи Надсона: На арену вслѣдъ за тигрицей молодой

„походкой смѣлой
Вошла, съ распятіемъ въ рукахъ,
Страдалица въ одеждѣ бѣлой,
Съ спокойной твердостью въ очахъ".

Полное самообладаніе и мужество обнаруживаютъ передъ казнью: разбойникъ, скованный по рукамъ и ногамъ (въ балладѣ Тургенева); молодой царь, который къ мѣсту казни идетъ какъ на тронъ (въ стихотвореніи Будищева „Тріумфаторъ"); бояринъ Кикинъ (въ стих. Навроцкаго того же названія); мальчикъ (въ стих. Минаева „На баррикадѣ"); святой Халаджъ, „подвижникъ и мудрецъ", которому „отроденъ былъ страдальческій вѣнецъ" (въ „Легендѣ о суфи Халаджѣ" Велички); Сократъ, который „спокойно страшный ядъ цикуты поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ" (въ стихотвореніи П. Якубовича „Сократъ") и др.

Пушкинъ бичуетъ того, кто „смѣется надъ жертвой палача". Надсонъ тоже бичуетъ тѣхъ, кто смѣется надъ казненными. Вотъ заключительная строфа изъ поэмы „Христіанка":

„Святыню смерти и страданій
Римъ звѣрскимъ смѣхомъ оскорбилъ,
И дикій громъ рукоплесканій
Мольбу послѣднюю покрылъ".

Та же мысль и въ другомъ, стихотвореніи Надсона. Когда казнили Христа,

„Вокругъ креста толпа стояла,
И грубый смѣхъ звучалъ порой...
Слѣпая чернь не понимала,
Кого насмѣшливо пятнала
Своей безсильною враждой".

Палачъ изображается у Пушкина и Лермонтова жестокимъ чудовищемъ. Онъ при видѣ крови „сердцемъ радуется въ злобѣ". Онъ въ ожиданіи казни „весело похаживаетъ". Такимъ же изображается палачъ В. Гиляровскимъ въ стихотвореніи „Стенька Разинъ":

„А палачъ и жестокъ и ужасенъ,
Ноздри вырваны, нѣтъ и ушей,
Глазъ одинъ, весь кровавый, былъ красенъ;
По сложенью медвѣдя сильнѣй."

Но Гиляровскій выдвигаетъ и новую черту: палачъ все таки человѣкъ; ему доступны человѣческія чувства.

Этотъ „грозный катъ" долженъ былъ казнить Стеньку Разина. На эшафотѣ передъ казнью Стенька взялъ его за руку и сказалъ:

„Передъ смертью прими ты за брата,
Помѣняйся крестомъ ты со мной".

На одинокомъ глазу палача заблестѣла слеза; вспомнилъ прошлое, когда онъ еще былъ человѣкомъ, а не палачомъ. Враги помѣнялись крестами, обнялись. Когда послѣ этого Степанъ легъ на плаху, палачъ отказался казнить его:

„Не могу бить родныхъ—не рядился,
Мнѣ Степанъ по кресту теперь братъ,
Не могу!" И сѣкира упала,
По помосту гремя и стуча".

Та же тема—въ стихотвореніи „Палачъ" Е. С. Левиной-Сысоевой: и палачъ—человѣкъ, и онъ сознаетъ, что казнить

нельзя, и его преслѣдуютъ укоры совѣсти за то, что онъ казнилъ.

Палачъ мучится смертельной тоской. Воображеніе рисуетъ ему страшныя видѣнія:

„Входятъ кровавыя толпы тѣней
Со взглядомъ упорнымъ ихъ тусклыхъ очей.
Его только ищетъ стекляный ихъ взоръ,
Ему только шлетъ безпощадный укоръ“.

То же самое увидимъ ниже у Л. Н. Толстого и у беллетристовъ XX вѣка.

Смертная казнь — порожденіе варварскихъ вѣковъ. Гоголь о смертной казни въ „Тарасѣ Бульбѣ“.

Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“ говоритъ о развращающемъ вліяніи смертной казни на толпу.

„Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ... Тутъ было множество старухъ, самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья“. Были такіе, которые, „и ротъ розинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желали бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе“; иные „разсуждали съ жаромъ“; иные „даже держали пари“. „Но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается на свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу“. Вотъ одинъ изъ этой толпы. Шляхтичъ. Объясняетъ своей дамѣ все происходящее. „Вотъ это, душечка Юзыся“, говоритъ онъ „весь народъ, что вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что, вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и

двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будетъ головы“.

Гоголь говоритъ о душевномъ состояніи приговоренныхъ къ смерти и подчеркиваетъ мужественную стойкость человѣческаго духа. Мужественную стойкость духа проявилъ Тарасъ Бульба. Его присудили „сжечь живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло нагое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибили ему руки и, приподнявъ его повыше, чтобы отвсюду былъ виденъ казакъ, принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони“. Онъ не обращалъ вниманія на боль и муки, которымъ его подвергали, кричалъ казакамъ, куда бѣжать, чтобы спастись отъ враговъ.

Мужественную стойкость духа проявили также—Остапъ и другіе запорожцы.

Приговоренные къ смерти запорожцы „шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою то тихой горделивостью; ихъ платья изъ дорогого сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ“... Началась казнь... „Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хряскъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои,—ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его“. И только „когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ... упалъ онъ силою и выкликнулъ въ душевной немощи: „Батько! гдѣ ты? Слышишъ ли ты все это?“

Гоголь умышленно отказывается отъ изображенія того, какъ казнятъ. „Не будемъ, говоритъ онъ, смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго свирѣпаго вѣка, когда

человѣкъ велъ еще кровавую жизнь одних воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душой, не чуя человѣчества".

Казни царя Ивана Грознаго въ художественномъ изображеніи гр. Ал. Толстого.

Въ исторіи всѣхъ народовъ бытъ такой грубый свирѣпый вѣкъ, когда господствовали смертныя казни. Былъ такой вѣкъ и въ нашей исторіи. Наиболѣе свирѣпымъ эпизодомъ этого свирѣпаго вѣка у насъ было царствованіе Ивана Грознаго.

Царствованіе Грознаго со всѣми его жестокостями, кровопролитіями и казнями получило художественное изображеніе въ произведеніяхъ графа Ал. Толстого. Произведенія этого писателя—рѣзкій протестъ противъ кровопролитій, вообще, и въ частности противъ смертныхъ казней.

Общая характеристика царствованія Грознаго дѣлается въ трилогіи гр. Ал. Толстого. Современникамъ Грознаго, московскимъ боярамъ. внутренняя политика этого царя, основанная на кровопролитіяхъ, смертныхъ казняхъ, представляется величайшимъ зломъ, горшимъ, чѣмъ стихійныя бѣдствія, чѣмъ нападенія внѣшнихъ враговъ.

Въ первой части трилогіи („Смерть Іоанна Грознаго") бояринъ князь Сицкій такъ характеризуетъ Грознаго:

„Что значатъ нѣмцы, ляхи и татары
Въ сравненьи съ нимъ? Что значатъ моръ и голодъ,
Когда самъ царь не что, какъ лютый звѣрь".

Обращаясь къ другимъ боярамъ, кн. Сицкій говоритъ:

„Иль есть изъ васъ единый, у кого бы
Не умертвилъ онъ брата, иль отца,
Иль матери, иль ближняго, иль друга?"

Въ слѣдующей части трилогіи („Царь Өедоръ Іоановичъ") московскій гость старикъ Курюковъ вспоминаетъ о томъ, что было при Грозномъ:

„Былъ грозный государь!
При немъ и всѣ бояре пріутихли!
При немъ бѣда! Глядишь, столбовъ наставятъ

На площади; а казней то и мукъ,
И пытокъ ужъ какихъ мы насмотрѣлись.
Бывало, вдругъ... бывало, грянутъ бубны,
Чтобы народъ на площадь шелъ...
Тутъ хочешь, аль не хочешь—
Невольно идешь... Вотъ мы придемъ на площадь,
Анъ тамъ стоятъ... Анъ тамъ ужъ палачи
Стоятъ и ждутъ... Съ сѣкирами".

Иллюстраціей къ этимъ характеристикамъ могутъ служить нѣкоторыя сцены изъ „Смерти Іоанна Грознаго": малѣйшее недовольство, и смертный приговоръ готовъ.

Гонцы, прибѣжавшіе съ поля битвы, донесли, что царскіе полки разбиты. Царь говоритъ: „Лгутъ гонцы! Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ, что я разбитъ".

Польскій посолъ Гарабурда передаетъ Грозному вызовъ отъ имени своего государя. Царь вспылилъ:

„Помазанника Божья смѣешъ ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!"

Узнавъ, что кн. Сицкій не хотѣлъ вмѣстѣ съ другими боярами просить отказавшагося отъ власти царя снова сѣсть на престолѣ, Грозный говоритъ: „Голову съ него долой!"

Грозный произноситъ смертный приговоръ волхвамъ:

„Всѣхъ волхвовъ и звѣздочетовъ,
Которые мнѣ ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на кострѣ".

Такія же сцены нарисованы гр. Ал. Толстымъ въ стихотвореніяхъ и въ „Князѣ Серебряномъ".

Реппинъ, правдивый князь, вздумалъ выступить въ роли обличителя. Предложилъ во время царскаго пира тостъ: „опричнина да сгинетъ". Онъ былъ казненъ самимъ царемъ:

„Умри же, дерзновенный! царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь".

(Князь Михайло Репнинъ).

Самъ царь собственной рукой казнилъ Старицкаго воеводу, заподозрѣннаго въ томъ, что онъ мечтаетъ присвоить себѣ царскій санъ. Царь возвелъ осужденнаго на престолъ, палъ предъ нимъ на землю, билъ челомъ на царствѣ. А потомъ,—

„Воспрянувъ тотъ же часъ со злобой безпощадной.
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной.
И ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
И въ очи мертвыя глядѣлъ—и въ дрожи зыбкой
Державныя уста змѣилися улыбкой".

(Старицкій воевода).

По царскому приказу, отправленъ былъ съ Малютой въ застѣнокъ Василій Шибановъ, доставившій посланіе своего господина, князя Андрея Курбскаго. Его мучили, пытали палачи; въ мукахъ на пыткѣ онъ умеръ. (Василій Шибановъ).

На царскій пиръ приглашенъ былъ старый бояринъ, находившійся въ опалѣ. Кравчій подаетъ ему чашу вина. Старикъ всталъ, поклонился царю и выпилъ. А слѣдомъ за тѣмъ... „дыханіе его сперлось, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинѣло, и онъ грянулся о земь".

Все это – отдѣльные случаи казней. Въ одной сценѣ первой части трилогіи отдѣльные случаи соединены въ одно цѣлое, подведены итоги кровавой дѣятельности Грознаго.

Жертвы казней заносились въ синодикъ. Изображена такая сцена. Годуновъ, по царскому приказу, приноситъ синодикъ, читаетъ; Грозный диктуетъ поправки.

Годуновъ:

„Упокой, Господь,
Твоихъ рабовъ: боярина Михайлу,
Окольничихъ Ивана и Петра,
Боярина Василія съ женою,
Да ихъ холопей тридцать человѣкъ.
Помилуй воеводу князь Григорья
Съ княгинею, съ двумя ихъ дочерьми,
Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
Холопей ихъ сто двадцать человѣкъ.

Боярина князь Якова съ княгиней
Маріею, съ княжной Елизаветой,
Съ княжатами съ Никитой и съ Иваномъ,
Да ихъ холопей сорокъ человѣкъ.
Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
Архіерея Леонида, съ ними жъ
Пятнадцать иноковъ“..

Іоаннъ:

„Постой—пятнадцать?—
Ихъ было болѣе—двадцать напиши!“

Годуновъ—пишетъ и продолжаетъ:

„Помилуй, Господи, и упокой
Крестьянъ опальныхъ селъ и деревень
Боярина Морозова, числомъ
До тысячи двухсотъ! Трехъ нищихъ старцевъ,
Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женокъ,
Что привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ,
Которые сдалися королю
И были имъ отпущены на волю,
Числомъ двѣ тысячи... Новогородцевъ,
Утопленныхъ и избіенныхъ,
Двѣнадцать тысячъ, ихъ же имена
Ты вѣси, Господи!“...

Бояре и окольничіи, князья, княгини, княжата и княжны, крестьяне и холопы, иноки, нищіе старцы, сидѣльцы, псковскія жонки и новгородцы... тридцать человѣкъ, сорокъ, сто двадцать, двѣ тысячи, двѣнадцать тысячъ.... Вотъ жертвы казней Грознаго. Въ ожиданіи скорой кончины онъ вспоминаетъ о нихъ. Даетъ обѣтъ никого не оставить безъ поминовенья. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей онъ приказываетъ Годунову перечитать, кто внесенъ въ синодикъ, и самъ дѣлаетъ поправки: дополняетъ уже сдѣланный перечень казненныхъ.

Очевидно, казни не проходили Грозному даромъ. Очевидно, укоры совѣсти доступны были и ему. На этой темѣ подробно останавливается гр. Ал. Толстой въ романѣ „Князь Серебряный“.

Царь не разъ переживалъ минуты ужаса, когда на память приходили мысли о загубленныхъ человѣческихъ жизняхъ. „Раздражительное воображеніе не разъ уже представляло ему картину будущаго возмездія, но сила воли одолѣвала страхъ загробныхъ мученій. Іоаннъ увѣрялъ себя, что страхъ этотъ и даже угрызенія совѣсти возбуждаемы въ немъ врагомъ рода человѣческаго, чтобы отвлечь помазанника Божія отъ высокихъ его начинаній. Хитростямъ дьявола царь противопоставилъ молитву, но часто изнемогалъ подъ житейскимъ напоромъ воображенія. Тогда отчаяніе схватывало его какъ желѣзными когтями. Неправость дѣлъ его являлась во всей наготѣ, и страшно зіяли передъ нимъ адскія бездны".

Такое состояніе ужаса изображено въ одной главѣ „Князя Серебрянаго". Царь вступаетъ въ разговоръ съ мамкой Онуфревной. На дворѣ гроза. Царь вздрагиваетъ при каждомъ ударѣ грома. У него ознобъ. Входитъ Малюта. Разговоръ съ нимъ нѣсколько успокоилъ царя, далъ его мыслямъ другое направленіе.

„Отославъ Малюту, онъ легъ на постель и забылся.

Его разбудилъ какъ будто внезапный толчокъ.

Изба слабо освѣщалась образными лампадами. Лучъ мѣсяца, проникая сквозь низкое окно, игралъ на расписанныхъ изразцахъ лежанки. За лежанкой кричалъ сверчокъ, мышь грызла гдѣ то дерево.

Среди этой тишины Ивану Васильевичу опять сдѣлалось страшно.

Вдругъ ему почудилось, что приподнимается половица и смотритъ изъ подъ нея отравленный бояринъ.

Такія видѣнія случались съ Іоанномъ нерѣдко. Онъ приписывалъ ихъ адскому мороченью. Чтобы прогнать призракъ, онъ перекрестился.

Но призракъ не исчезъ, какъ то случалось прежде. Мертвый бояринъ продолжалъ смотрѣть на него исподлобья. Глаза старика были такъ же на выкатѣ, лицо такъ же сине, какъ за обѣдомъ, когда онъ выпилъ присланную Іоанномъ чашу.

„Опять новожденіе!—подумалъ царь:—но не поддамся я прелести сатанинской, сокрушу хитрость дьявольскую. Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его!"

Мертвецъ медленно вытянулся изъ подъ полу и приблизился къ Іоанну.

Царь хотѣлъ закричать, но не могъ. Въ ушахъ его страшно звенѣло.

Мертвецъ наклонился передъ Іоанномъ.

— Здравъ буди! — произнесъ глухой нечеловѣческій голосъ: — се кланяюся тебѣ, иже погубилъ мя еси безвинно!

Слова эти отозвались въ самой глубинѣ души Іоанна. Онъ не зналъ, отъ призрака ли ихъ слышитъ, или собственная его мысль выразилась ощутительнымъ для уха звукомъ.

Но вотъ приподнялась другая половица; изъ подъ нея показалось лицо окольничаго Данилы Адашева, казненнаго Іоанномъ четыре года тому назадъ.

Адашевъ также вытянулся изъ подъ полу, поклонился царю и сказалъ:

— Здравъ буди, Иване! се кланяюся тебѣ; иже казнилъ мя еси безвинно!

За Адашевымъ явилась боярыня Марія, казненная вмѣстѣ съ дѣтьми Она поднялась изъ подъ полу съ пятью сыновьями. Всѣ поклонились царю и каждый сказалъ:

— Здравъ буди, Иване, се кланяюся тебѣ!

Потомъ показались: князь Курлятевъ, князь Оболенскій, Никита Шереметевъ и другіе казненные или убитые Іоанномъ.

Изба наполнилась мертвецами. Всѣ они низко кланялись царю, всѣ говорили:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване! се кланяемся тебѣ!

Вотъ поднялись монахи, старцы, инокини, всѣ въ черныхъ ризахъ, всѣ блѣдные, кровавые.

Вотъ показались воины, бывшіе съ царемъ подъ Казанью.

На нихъ зіяли страшныя раны, но не въ бою добытыя, а нанесенныя палачами

Вотъ явились дѣвы въ растерзанной одеждѣ и молодыя жены съ грудными младенцами. Дѣти протягивали къ Іоанну окровавленныя ручонки и лепетали:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване, иже погубилъ еси насъ безвинно!

Изба все болѣе наполнялась призраками. Царь не могъ уже различать воображенія отъ дѣйствительности.

Слова призраковъ повторялись стократными отголосками. Отходныя молитвы и панихидное пѣніе въ то же время раздавались надъ самыми ушами Іоанна. Волосы его стояли дыбомъ"....

Грозный привыкъ къ смертнымъ казнямъ. Тѣмъ не менѣе и на него находили минуты ужаса, когда совѣсть громко протестовала противъ совершаемыхъ имъ кровопролитій. Современники Грознаго тоже должны были привыкнуть къ смертнымъ казнямъ. Тѣмъ не менѣе ихъ въ ужасъ приводили картины массовыхъ казней. Вотъ картина казни, нарисованная въ „Князѣ Серебряномъ":

„Наканунѣ дня, назначеннаго для торжественной казни, московскіе люди съ ужасомъ увидѣли ея приготовленія.

На большой торговой площади, внутри Китай-города, было поставлено много висѣлицъ. Среди нихъ стояло нѣсколько срубовъ съ плахами. Немного подалѣ висѣлъ на перекладинѣ между столбовъ огромный желѣзный котелъ. Съ другой стороны срубовъ торчалъ одинокій столбъ, съ придѣланными къ нему цѣпями, и вокругъ столба работники наваливали костеръ. Разныя неизвѣстныя орудія виднѣлись между висѣлицами и возбуждали въ толпѣ боязливыя догадки, отъ которыхъ сердце заранѣе сжималось.

Мало по малу всѣ пришедшіе торговать на базаръ разошлись въ испугѣ. Опустѣла не только площадь, но и окрестныя улицы. Жители заперлись въ домахъ и шопотомъ говорили о предстоящемъ событіи. Слухъ о страшныхъ приготовленіяхъ разнесся по всей Москвѣ, и вездѣ воцарилась мертвая тишина. Лавки закрылись, никто не показывался на улицахъ, и лишь время отъ времени проскакивали по нимъ гонцы, посылаемые съ приказаніями отъ Арбата, гдѣ Іоаннъ остановился въ любимомъ своемъ теремѣ. Въ Китай-городѣ не слышно было другого шума, кромѣ стука плотничьихъ топоровъ да говора опричниковъ, распоряжавшихся работами.

Когда настала ночь, затихли и эти звуки, и мѣсяцъ, поднявшись изъ за зубчатыхъ стѣнъ Китай-города, освѣтилъ безлюдную площадь, всю взъерошенную кольями и висѣлицами. Ни одного огонька не свѣтилось въ окнахъ, всѣ ставни были закрыты, лишь кое гдѣ тускло теплились лампады передъ наружными

образами церквей. Но никто не спалъ въ эту ночь; всѣ молились, ожидая разсвѣта."

Настало роковое утро. На мѣсто казни пріѣхалъ царь, окруженный опричниками, царедворцами, конницей. Когда царскій поѣздъ „въѣхалъ въ Китай городъ и все войско, спѣшившись, размѣстилось у висѣлицъ, Іоаннъ, не сходя съ коня, посмотрѣлъ кругомъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что на площади не было ни одного зрителя.

— Сгонять народъ!—сказалъ онъ опричникамъ.—Да никто не убоится! Повѣдайте людямъ московскимъ, что царь казнитъ своихъ злодѣевъ! безвиннымъ же обѣщаетъ милость.

Вскорѣ площадь стала наполняться народомъ, ставни отворились, у оконъ показались блѣдныя, боязливыя лица."

Народъ у гр. А. Толстого съ отвращеніемъ относится къ смертной казни: казнь—не забава, какъ у Пушкина или Гоголя. Но, какъ у Пушкина, народъ выражаетъ сочувствіе казнимому, молится за него.

Въ „Князѣ Серебряномъ" нарисована такая сцена:

Обвиняемымъ въ заговорѣ противъ государя прочитали смертный приговоръ. „Ихъ готовились повести—кого къ висѣлицамъ, кого къ котлу, кого къ другимъ орудіямъ казни.

Народъ сталъ громко молиться.

— Господи, Господи!—раздавалось на площади:—помилуй ихъ, Господи! Пріими скорѣе ихъ души!"

Подобно Пушкину, Лермонтову, Гоголю и другимъ писателямъ, гр. А. Толстой изображаетъ мужественную стойкость духа у осужденныхъ на казнь.

Мужественно встрѣтилъ смерть бояринъ Дружина Андреевичъ Морозовъ. Онъ взошелъ на эшафотъ, перекрестился, спокойно сказалъ свою послѣднюю волю, снова перекрестился и опустилъ голову на плаху.

Коршунъ принялъ казнь, какъ искупленіе сдѣланныхъ имъ когда то злодѣйствъ. Когда дьякъ прочелъ смертный приговоръ, „Коршунъ, взошедши на помостъ, перекрестился на церковныя главы и положилъ, одинъ за другимъ, четыре земныхъ поклона народу, на четыре стороны площади

— Прости, народъ православный! — сказалъ онъ:— прости меня въ грѣхахъ моихъ: въ разбоѣ и въ воровствѣ, и въ смертномъ

убойствѣ! Прости во всемъ, что я согрѣшилъ передъ тобою. Заслужилъ я себѣ смертную муку, отпусти мнѣ вины мои, народъ православный! И, повернувшись къ палачамъ, онъ самъ продѣлъ руки въ приготовленныя для нихъ петли.

— Привязывайте, что ли!—сказалъ онъ, тряхнувъ сѣдою, кудрявою головой, и не прибавилъ болѣе ни слова."

Василій Шибановъ тоже мужественно встрѣтилъ смерть. Отправленный въ застѣнокъ, онъ подвергнутъ былъ жестокимъ мученіямъ. Уже языкъ его началъ нѣмѣть и взоръ угасъ. А онъ до послѣдняго дыханія жизни молился за своего господина, измѣнившаго отчизнѣ, за грознаго царя, отдавшаго его заплечнымъ мастерамъ, за святую великую Русь и твердо ждалъ смерти желанной.

Казни царя Ивана Грознаго въ произведеніяхъ другихъ писателей.

Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ другихъ писателей-художниковъ Иванъ Грозный тоже изображается тираномъ, любовь котораго къ смертнымъ казнямъ вызываетъ чувство ужаса, отвращенія и негодованія.

Грозный привыкъ къ смертнымъ казнямъ, но и ему, по мнѣнію гр. Ал. Толстого, были доступны укоры совѣсти по поводу этихъ казней. Современники Грознаго привыкли къ смертнымъ казнямъ, но и они, по мнѣнію гр. Ал. Толстого, испытывали чувство ужаса при видѣ массовыхъ казней. А. Н. Островскій подчеркиваетъ другую сторону того же вопроса: привычка порождаетъ убѣжденіе. Подъ вліяніемъ привычки къ смертнымъ казнямъ у современниковъ Грознаго сложилось убѣжденіе, что такъ и должно быть, что царь имѣетъ право и обязанъ казнить. Подъ вліяніемъ той же привычки и самъ царь приходитъ къ твердому убѣжденію, что онъ имѣетъ право и обязанъ казнить.

Такого рода юридическія воззрѣнія высказываются дѣйствующими лицами въ пьесѣ Островскаго „Василиса Мелентьевна".

Кн. Сицкій говоритъ: „Великій царь казнитъ и жалуетъ; его святая воля! мы всѣ рабы его!"

Бояре: „Помилуй, государь, казни, кого желаешь! мы слагаемъ всѣ головы у ногъ твоихъ."

Мамка: „Ну, кто жъ ему, царю, казнить закажетъ рабовъ своихъ? На то Господня воля да царская.“

Царь тоже убѣжденъ въ этомъ: „Да развѣ я убійца?“ говоритъ онъ Василисѣ. „Я судія; по данной Богомъ власти караю злыхъ, крамольныхъ, лиходѣевъ, и жалую покорныхъ, вѣрныхъ слугъ.“

И Грозный, не задумываясь, казнитъ тѣхъ, кого считаетъ лиходѣями.

Казнитъ бояръ прежде всего.

Голицынъ въ пьесѣ „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ вспоминаетъ про казни Грознаго:

„Великіе потомки
Князей удѣльныхъ и бояръ исконныхъ,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сонъ ли то, что царь Иванъ нарочно,
По выбору, губилъ мужей совѣта
И воеводъ безтрепетныхъ во браняхъ?“

О томъ же говоритъ Куракинъ:

„Ему царей татарскихъ покоряютъ
И города нѣмецкіе берутъ,
Отъ крымскихъ ордъ Москву оберегаютъ,
А онъ, едва опомнившись отъ страха,
На сковородахъ желѣзныхъ воеводъ
Огнемъ палитъ и угли подгребаетъ.“

Не однихъ бояръ казнилъ Грозный.

Василиса Мелентьевна во снѣ назвала имя своего любовника. Царь немедленно постановилъ жестокій смертный приговоръ: „живую въ землю зарыть ее.“ А любовника приказалъ Малютѣ прибрать „куда нибудь подальше... хоть въ тотъ же гробъ, гдѣ Василиса будетъ“.

Стихотвореніе поэта Н. А. Вроцкаго „Новгородъ“ посвящено массовымъ казнямъ Грознаго. „Московскій деспотъ,“ „ужаснѣйшій злодѣй“—вотъ эпитеты, которыми награждаетъ поэтъ Грознаго. По его приказу учинена „расправа кровавая“ надъ новгородцами. Поэтъ рисуетъ страшную картину этой расправы:

„Стали хватать, стали грабить безъ жалости,
Стали палить всѣхъ огнемъ,
Самъ царь Иванъ имъ придумалъ мученіе,
Страшно и вспомнить о немъ.
Рѣзали, жгли, не десятками, сотнями,
Всѣхъ:—богачей, бѣдняковъ,
Знатныхъ, простыхъ, и духовныхъ, и иноковъ,
Словно какъ стадо быковъ...
Рѣзать умаялись, душно имъ сдѣлалось—
Мертвые начали гнить;
Трупы безъ счета валялись по городу,
Царь не велѣлъ хоронить.
Звѣрь, такъ и тотъ бы проникнулся жалостью,
Какъ бы онъ ни былъ взбѣшенъ;
Но для Ивана считалось то милостью,
Все не насытился онъ.
Вздумалъ забавиться новой потѣхою:
Къ мосту сгонять приказалъ
Всѣхъ, кто еще уцѣлѣлъ отъ мученія,
Кто своей участи ждалъ.
Стали вязать ихъ попарно и сотнями,
Женъ и мужей и дѣтей,
Стали младенцевъ на шею привязывать
Матерямъ вмѣсто камней...“

И въ другомъ стихотвореніи того же поэта „Царица Марія Долгорукая“ изображается жертва кровавой расправы Грознаго. Царицѣ Марьѣ Долгорукой въ первую брачную ночь „страшной казнью пришлось искупить свой дѣвичій грѣхъ.“ А ея любовнику Ильѣ Салтыкову царскій посланецъ долженъ былъ „прямо въ сердце ножъ съ размаха всадить.“

Жертва кровавой расправы Грознаго изображается и въ стихотвореніи „Князь Гвоздевъ“ Буренина. Грозный князю Гвоздеву „въ грудь ножъ вонзилъ до самой рукоятки.“

Жертва кровавой расправы Грознаго изображается въ стихотвореніи В. П. Лебедева. „Шутъ Іоанна Грознаго.“

Сначала дѣлается общая характеристика казней:

„Когда, гнѣвясь на козни москвитянъ,
Жилъ въ слободѣ суровый Іоаннъ;
Когда, запятнанъ кровью неповинныхъ,
Онъ пировалъ на пиршествахъ безчинныхъ;
Когда, въ сѣкиры бранные мечи
Перековавъ, трудились палачи,
И смѣшанъ былъ за трапезою царской
И смердовъ родъ, и чванный родъ боярскій,—
Въ тѣ дни убійствъ, и казней и гульбы
Дрожали всѣ—бояре и рабы.
. . . . Въ застѣнкѣ до утра
Багрила кровь желѣзо топора,
Свистали пули, жертвѣ истомленной
Нагую грудь язвилъ свинецъ топленый,
И озарялъ костра пунцовый свѣтъ
Сквозь синій чадъ обугленный скелетъ."

Дальше поэтъ изображаетъ одинъ эпизодъ, случившійся въ эти дни убійствъ и казней.

Іоаннъ опрокинулъ кубокъ золотой вина. Щутъ сказалъ: „не лей ручьемъ заморскаго вина... Вино не кровь." Въ отвѣтъ на эти слова

„Посохъ Іоанновъ
Уже сверкнулъ и свистнулъ на лету,
Впиваясь въ горло дерзкому шуту"

На ту же тему написано стихотвореніе Бальмонта „Опричники". И здѣсь сначала дѣлается общая характеристика царствованія Грознаго:

Тогда, въ это царствованіе,
„опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣивали игры,
Чтобъ увеличить полчища гробовъ,—
. . . . . невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ
На женъ и дѣвъ ниспосылали срамъ"

Затѣмъ, изображается, какъ и у Лебедева, одна изъ царственныхъ забавъ:

„Обливъ шута горячею водою,
Его добилъ ножомъ освирѣпѣвшій царь.“

Смертная казнь—страшное зрѣлище въ нашъ вѣкъ. Стихотвореніе Случевскаго „Послѣ казни.“ Смертная казнь—убійство. Разсказъ Тургенева „Казнь Тропмана“.

Смертная казнь—порожденіе грубаго свирѣпаго вѣка. Тогда, въ вѣка варварства, говоритъ Гоголь, она была любимымъ зрѣлищемъ не только черни, но и знати. Тогда, говоритъ Пушкинъ, она была забавнымъ зрѣлищемъ праздной черни. Тогда, говоритъ Островскій, люди убѣждены были въ правомѣрности казней.

Другую сторону вопроса открываетъ графъ Ал. Толстой: даже въ вѣка варварства не всегда и не вездѣ смертныя казни были любимымъ и забавнымъ зрѣлищемъ. Царствованіе Ивана Грознаго въ Россіи должно быть отнесено къ вѣкамъ варварства. Однако, въ изображеніи гр. Ал. Толстого, смертная казнь и тогда наводила ужасъ.

Быть можетъ, тогда ужасъ, наводимый смертными казнями, былъ исключительнымъ явленіемъ. Но безспорно, что то, что было исключительнымъ явленіемъ тогда, сдѣлалось общимъ правиломъ теперь. Теперь смертная казнь—пережитокъ старинной дикости, варварства. Теперь она претитъ нравственному чувству человѣка. Она уже не можетъ быть любимымъ зрѣлищемъ. Наоборотъ, для современнаго культурнаго человѣка смертная казнь—страшное зрѣлище.

Поэтъ Случевскій въ стихотвореніи „Послѣ казни“ описываетъ то впечатлѣніе, какое это страшное зрѣлище производитъ на современнаго культурнаго человѣка:

„Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло.
Я видѣлъ казнь. Багровый эшафотъ
Давилъ, какъ будто бы, столпившійся народъ,
И солнце ярко на топоръ сіяло.
Казнили. Голова отпрянула какъ мячъ,
Стеръ полотенцемъ кровь съ обѣихъ рукъ палачъ,

А красный эшафотъ поспѣшно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.
Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло.
Мнѣ снилось—я лежалъ на страшномъ колесѣ,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости всѣ.
И я вытягивался въ пыткѣ небывалой,
И, ставъ звенящею чувствительной струной,
Къ какой то схимницѣ, больной и исхудалой,
На балалайку вдругъ попалъ, едва живой.
Старуха страшная меня облюбовала,
И пальцемъ нервнымъ дергала меня,
„Коль славенъ нашъ Господь“ уныло напѣвала,
И я ей вторилъ, жалобно звеня“.

День казни—тяжелый день. За этимъ днемъ мучительный кошмаръ преслѣдуетъ въ снѣ человѣка, очевидца казни.

Тургеневъ былъ свидѣтелемъ смертной казни во Франціи. Свои впечатлѣнія онъ описалъ въ разсказѣ о „казни Тропмана“. Преступникъ совершилъ дѣяніе, котораго нельзя было оправдать. Онъ не вызывалъ сочувствія къ себѣ. И тѣмъ не менѣе казнь его представлялась противоестественнымъ, жестокимъ дѣломъ. И виновными въ совершеніи этого дѣла представлялись не только исполнители казни, но и свидѣтели, очевидцы. Виновнымъ считалъ себя и писатель, который изъ любопытства согласился присутствовать при казни. „Чувство какого то моего, мнѣ неизвѣстнаго прегрѣшенія, тайнаго стыда, во мнѣ постоянно усиливалось... Быть можетъ этому чувству я долженъ приписать то, что лошади, запряженныя въ фуры и спокойно жевавшія въ торбахъ овесъ передъ воротами тюрьмы, показались мнѣ единственными невинными существами среди всѣхъ насъ... Мысль, что мы никакого права не имѣемъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ, что, присутствуя съ притворной важностью при убіеніи подобнаго намъ существа, мы ломаемъ какую то беззаконно гнусную комедію,—эта мысль въ послѣдній разъ мелькнула у меня въ головѣ: я уже ничего не ощущалъ, кромѣ того, что вотъ сейчасъ, сейчасъ, сію минуту, сію секунду...“ Свершилось. Казнили. Какъ же чувствовали себя свидѣтели этого дѣла? „Никто изъ насъ, рѣшительно никто не

смотрѣлъ человѣкомъ, который сознаетъ, что присутствовалъ при совершеніи акта общественнаго правосудія: всякій старался мысленно отвернуться и какъ бы сбросить съ себя отвѣтственность въ этомъ убійствѣ."

Смертная казнь—позорное убійство. Стихотвореніе Хомякова „Ritterspruch—Richterspruch." Замѣтка Герцена.

Смертная казнь—не актъ правосудія, а убійство. Всякое убійство человѣка человѣкомъ—зло. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійства (напримѣръ, на войнѣ, на дуэли...) есть смягчающія вину обстоятельства: это—самопожертвованіе того, кто убиваетъ другого, рискъ собственною жизнью и свободой. Въ смертной казни нѣтъ такихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Казнь—это убійство сильнымъ слабаго, вооруженнымъ безоружнаго. Казнь—постыдное убійство. Постыдный характеръ смертной казни ярко выраженъ въ стихотвореніи Хомякова, одного изъ видныхъ представителей славянофильскаго ученія, „Ritterspruch—Richterspruch":

„Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ,
Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою.
Сойдешь ли съ коня ты, поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ,—
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!
А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто охваченъ цѣпями,
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,

Онъ властью связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!"

Замѣчательно, что мнѣніе славянофила Хомякова вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ западника Герцена. Въ московскомъ дневникѣ Герцена встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку о смертной казни:

... „Въ Альманахѣ Пруцца между разными выписками изъ Гегелевскихъ бумагъ замѣчательна нота его (Гегеля) о смертной казни. Онъ начинаетъ съ замѣчанія Монтескье, что жестокія и частыя казни ожесточаютъ народъ и дѣлаютъ его равнодушнѣе и къ наказанію, и къ преступленію. Гегель дѣлаетъ вопросъ, почему ожесточаетъ зрѣлище казней? Если привыкаютъ видѣть смерть, то войско видитъ и вдесятеро болѣе. Что же въ казни поражаетъ насъ? Ein wehrloser Mensh ist es, der uns in die Augen fällt, der gebunden, von einer zahlreichen Menge umgeben, von ehrlosen Henkersknechten gehalten, hinausgeführt und der ganz wehrlos, unter dem Zuruf und Gebet der Geistlichen, die der Missethäter nachspricht, um das Bewusstsein des gegenwärtigen Augenblicks zu übertäuben. So stirbt er. (Насъ поражаетъ зрѣлище, какъ связываютъ беззащитнаго человѣка, окружаютъ многолюдною толпою, отдаютъ его безчестнымъ палачамъ, выводятъ его совершенно беззащитнаго, подъ увѣщанія и молитвы духовника, которыя онъ повторяетъ, чтобы заглушить сознаніе настоящаго мгновенія. Такъ умираетъ онъ). Солдатъ, сраженный пулей, не производитъ того страшнаго чувства, онъ имѣетъ право защиты, были шансы въ его пользу, у преступника отнято право зашиты). Die empörende Empfindung einen Wehrlosen von einer, noch dazu überlegenen, Anzahl Bewaffneter hinrichten zu sehen, wird bei den Zuschauern nur dadurch nicht in Wuth verwandelt, dass ihnen der Ausspruch des Gesetzes heilig ist. Wenn die Hencker schon Diener der Gerechtigkeit sind, so hat doch diese blosse Vorstellung die allgemeine Empfindung nicht zu unterdrücken vermocht welche das Handwerk oder den Stand dieser Menschen, die hier in Angesicht des ganzen Volkes mit kalten Blick einen Wehrlosen tödten können, die hier ganz als blinde Werkzeuge, so wie die wilden Thiere, denen man ehemals die Verbrecher vorwarf, ihren Dienst verrichten mit dem Brandmal der Ehrlosigkeit

stempelt. (Душу возмущающее чувство при зрѣлищѣ беззащитнаго человѣка, убиваемаго вооруженными людьми, при томъ въ превосходномъ числѣ, только потому не переходитъ у зрителей всего этого въ ярость, что для нихъ священенъ голосъ закона. Но если палачи и являются слугами правосудія, все же одно это представленіе не могло подавить общаго чувства: ремесло или состояніе людей, которые передъ всѣмъ народомъ съ холоднымъ взоромъ способны убивать беззащитнаго человѣка, которые исполняютъ свою службу, совершенно какъ слѣпыя орудія, какъ дикіе звѣри, которымъ нѣкогда бросали преступниковъ,—это ремесло заклеймено печатью безчестія). *)

Смертная казнь ужаснѣе убійства. Достоевскій о смертной казни въ романѣ „Идіотъ". Чеховъ с смертной казни въ „Островѣ Сахалинѣ".

Смертная казнь—постыдное убійство: стыдно участникамъ казни. Смертная казнь—мучительное убійство: невыносимыя муки испытываетъ казнимый. Эта тема о невыносимыхъ мукахъ казнимаго разработана Достоевскимъ въ романѣ „Идіотъ," а также Чеховымъ въ „Островѣ Сахалинѣ".

Князь Мышкинъ разсказываетъ о видѣнной имъ смертной казни посредствомъ гильотинированія во Франціи:

„Человѣка кладутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильйотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочитъ такъ, что и глазомъ не успѣешь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ сбѣгается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

Конечно! Конечно! Этакую муку!.. Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро по фамиліи. Ну вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ—плакалъ, бѣлый, какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну кто же со страху плачетъ? Я и не думалъ, чтобъ отъ

*) Сочиненія А. И. Герцена. Изд. Павленкова СПБ., 1905. Томъ VI, стр. 39—40.

страху можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Что-же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: „не убій“, такъ за то, что онъ убилъ, и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я ужъ мѣсяцъ назадъ это видѣлъ, а до сихъ поръ у меня какъ передъ глазами. Разъ пять снилось.

Князь даже одушевился, говоря, легкая краска проступила въ его блѣдное лицо, хотя рѣчь его по прежнему была тихая. Камердинеръ съ сочувствующимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, такъ что оторваться, кажется, не хотѣлось; можетъ быть, тоже былъ человѣкъ съ воображеніемъ и попыткой на мысль.

— Хорошо еще вотъ, что муки не много, замѣтилъ онъ,— когда голова отлетаетъ.

— Знаете-ли что? горячо подхватилъ князь:—вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно также замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана, гильйотина. А мнѣ тогда-же пришла въ голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшно. вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочитъ. Подумайте: если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная, и, стало быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ—душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ склизнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Знаете-ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу или какъ нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется,

или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*, и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „ступай, тебя прощаютъ". Вотъ этакой человѣкъ, можетъ быть, могъ-бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!"

Самъ Достоевскій былъ такимъ человѣкомъ, который могъ разсказать объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ. Весной 1849 года онъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевцевъ. Нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ въ крѣпости. Въ декабрѣ былъ судъ: 23 человѣка, въ томъ числѣ Достоевскій, были приговорены къ смертной казни посредствомъ разстрѣлянія. 13 декабря приговоръ военно-полевого суда утвержденъ былъ Государемъ. Приведеніе его въ исполненіе назначено на 22 дек. Осужденныхъ привезли на мѣсто казни—на Семеновскую площадь. О томъ, что здѣсь произошло, такъ говоритъ одинъ изъ Петрашевцевъ (Спѣшневъ):

„Когда осужденныхъ привезли на Семеновскій плацъ, и троихъ уже привязали къ столбамъ, Ѳеодоръ Михаиловичъ, какъ ни былъ потрясенъ, не потерялся. Онъ былъ блѣденъ, но довольно быстро взошелъ на эшафотъ, скорѣе былъ тороплмвъ, чѣмъ подавленъ. Оставалось произнести „пли" и все было бы кончено. Тутъ махнули платкомъ, и казнь была остановлена" *).

А вотъ свидѣтельство самого Достоевскаго (изъ „Дневника Писателя)" о томъ, что онъ испыталъ на мѣстѣ казни:

„Мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу

*) Д. Мережковскій. Толстой и Достоевскій. 4 изд., С.П.Б., 1909, т. I, стр. 88.

свидѣтельствовать обо всѣхъ, но думаю, что не ошибусь, сказавъ, то тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій... Приговоръ смертной казни, разстрѣляніемъ, прочитанный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку: почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутъ ожиданія смерти.“

Объ этихъ ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутахъ ожиданія смерти и говоритъ Достоевскій въ „Идіотѣ“. Приведенный отрывокъ—разговоръ князя Мышкина съ камердинеромъ генерала Епанчина. Вслѣдъ за тѣмъ Достоевскій передаетъ разговоръ князя Мышкина съ генеральшей и генеральскими дочерьми на ту же тему—о смертной казни. Снова изображается ужасъ послѣднихъ минутъ ожиданія казни.

Князь Мышкинъ разсказываетъ про свою встрѣчу съ однимъ человѣкомъ. „Этотъ человѣкъ былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ за политическое преступленіе. Минутъ черезъ двадцать прочтено было и помилованіе и назначена другая степень показанія; но однако же въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ или, по крайней мѣрѣ, четверть часа, онъ прожилъ подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ непремѣнно умретъ. Мнѣ ужасно хотѣлось слушать, когда онъ иногда припоминалъ свои тогдашнія впечатлѣнія, и я нѣсколько разъ начиналъ его вновь разспрашивать. Онъ помнилъ все съ необыкновенною ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забудетъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троихъ первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ (бѣлые, длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ бѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало быть, ему приходилось идти къ столбамъ въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выхо-

дило, что остается жить минутъ пять не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: разсчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобы въ послѣдній разъ кругомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо помнилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ разсчиталъ. Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы *думать про себя*; онъ зналъ заранѣе о чемъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *нѣчто*, кто то или что то,—такъ кто-же? Гдѣ же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Не вдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченною крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ три минуты какъ нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступитъ, были ужасны; но онъ говоритъ, что ничего не было для него въ это время тяжеле, какъ безпрерывная мысль: „Что если бы не умирать! Что если бы воротить жизнь,—какая безконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего бы не потерялъ, каждую бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужъ ничего бы даромъ не истратилъ!“ Онъ говорилъ, что эта мысль у него, наконецъ, въ такую злобу переродилась, что ему ужъ хотѣлось, чтобы его поскорѣй застрѣлили“....

Дальше князь Мышкинъ въ разговорѣ съ генеральшей и ея дочками упоминаетъ о томъ, что самъ видѣлъ смертную казнь во Франціи и предлагаетъ между прочимъ одной изъ генеральскихъ

дочекъ Аделаидѣ „нарисовать лицо приговореннаго за минуту до удара гильотины, когда еще онъ на эшафотѣ стоитъ, предъ тѣмъ какъ ложиться на эту доску."

— „Какъ лицо? Одно лицо? спросила Аделаида; — странный будетъ сюжетъ, и какая же тутъ картина?"

Князь Мышкинъ разъясняетъ, какая картина. Онъ разсказываетъ подробно о душевномъ состояніи приговореннаго къ смертной казни, при этомъ снова останавливается на ужасныхъ послѣднихъ минутахъ ожиданія смерти.

— „Это ровно за минуту до смерти, съ полною готовностью началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ и, повидимому, тотчасъ же забывъ о всемъ остальномъ,—тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону; я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ... Впрочемъ, вѣдь какъ это разсказать! Мнѣ ужасно бы, ужасно бы хотѣлось, чтобы вы или кто нибудь это нарисовалъ! Лучше бы, если бы вы! я тогда же подумалъ, что картина будетъ полезная. Знаете, тутъ нужно все представить, что было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни, по крайней мѣрѣ еще черезъ недѣлю; онъ какъ то разсчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда то пойти и только черезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ спалъ. Это было въ концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со стражей и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ приподнялся, облокотился, — видитъ свѣтъ: „Что такое?" — „Въ десятомъ часу смертная казнь." Онъ со сна не повѣрилъ, началъ-было спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ,—такъ разсказывали,—потомъ сказалъ: „Все таки тяжело такъ вдругъ"... и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три—четыре проходятъ на извѣстныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка-ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей Богу, эти невинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и увѣрены, что это человѣколюбіе), потомъ туалетъ (вы знаете, что такое туалетъ преступника?), на-

конецъ везутъ по городу до эшафота... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что еще безконечно жить остается, пока везутъ. Мнѣ кажется, онъ навѣрно думалъ дорогой: „Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо... еще когда-то доѣдемъ до булочника!“ Кругомъ народъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ,—все это надо перенести, а главное, мысль: „вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!“ Ну, вотъ это все предварительно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ, а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорятъ, былъ. Съ нимъ все время неотлучно былъ священникъ, и въ телѣжкѣ съ нимъ ѣхалъ, и все говорилъ,—врядъ-ли тотъ слышалъ: и начнетъ слушать, а съ третьяго слова ужъ не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ, сталъ всходить на лѣсенку; тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно быть, человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Внизу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталъ на эшафотъ, сталъ вдругъ бѣлый какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была,—какъ будто что его давитъ въ горлѣ, и отъ этого точно щекотно,—чувствовали вы это когда нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и весь разсудокъ остается, но никакой уже власти не имѣетъ? Мнѣ кажется, если, напримѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать—будь что́ будетъ!.. Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самымъ губамъ вдругъ подставлялъ, маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный,—часто подставлялъ, поминутно. И какъ только крестъ касался губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ-бы оживлялся, и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностію цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякій случай, но врядъ-ли въ эту минуту что нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски... Странно, что рѣдко въ эти самыя послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ

и работаетъ, должно быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу; я воображаю, такъ и стучатъ разныя мысли, все неконченныя и, можетъ быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „вотъ этотъ глядитъ—у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржавѣла"... а между тѣмъ все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть, и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходитъ и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и... *знаетъ*, и вдругъ услышитъ надъ собой какъ желѣзо склизнуло! Это непремѣнно услышишь! Я-бы, еслибы лежалъ, я-бы нарочно слушалъ и услышалъ! Тутъ, можетъ быть, только одна десятая доля мгновенія, но непремѣнно услышишь! И представьте же, до сихъ поръ еще спорятъ, что, можетъ быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ быть, знаетъ, что она отлетѣла,—каково понятіе! А что̀ если пять секундъ!.. Нарисуйте эшафотъ, такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностію протягиваетъ свои синія губы и глядитъ, и—*все знаетъ*. Крестъ и голова,—вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу,—все это можно нарисовать какъ-бы на третьемъ планѣ, въ туманѣ, для аксессуара... Вотъ какая картина".

Наконецъ, Достоевскій еще разъ возвращается къ той же темѣ,—объ ужасныхъ послѣднихъ минутахъ ожиданія смерти. Приводится разговоръ между Лебедевымъ и его племянникомъ. Лебедевъ прочиталъ біографію графини Дюбарри. Онъ разсказываетъ племяннику, кто была графиня и какъ она умерла.

„Да знаешь-ли ты, что̀ такое была она, Дюбарри? Говори, знаешь иль нѣтъ?

— Ну вотъ, ты одинъ только и знаешь? насмѣшливо, но нехотя пробормоталъ молодой человѣкъ.

— Это была такая графиня, которая, изъ позору выйдя, вмѣсто королевы заправляла, и которой одна великая императрица, въ собственноручномъ письмѣ своемъ, „ma cousine" написала. Кардиналъ, нунцій папскій, ей, на леве-дю-руа (знаешь, что такое было леве-дю-руа?) чулочки шелковые на обнаженныя ея ножки

самъ вызвался надѣть, да еще за честь почитая,—этакое-то высокое и святѣйшее лицо! Знаешь ты это? По лицу вижу, что не знаешь! Ну, какъ она померла? Отвѣчай, коли знаешь!

— Убирайся! Присталъ.

— Умерла она такъ, что послѣ этакой-то чести, этакую бывшую властелинку, потащилъ на гильйотину палачъ ~~Самсонъ~~ Сансонъ, занапевинно, на потѣху пуасардокъ парижскихъ, а она и не понимаетъ, что съ ней происходитъ, отъ страху. Видитъ, что онъ ее за шею подъ ножъ нагибаетъ и пинками подталкиваетъ,—тѣ-то смѣются—и стала кричать: „Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!" Что и означаетъ: „Минуточку одну еще повремените, господинъ буро, всего одну!" И вотъ за эту-то минуточку ей, можетъ, Господь и проститъ, ибо дальше этакого мизера съ человѣческою душой вообразить невозможно. Ты знаешь-ли, что значитъ слово мизеръ? Ну, такъ вотъ онъ самый мизеръ и есть. Отъ этого графининаго крика, объ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами."

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я привелъ столь длинныя выдержки изъ „Идіота" Достоевскаго. Ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ нѣтъ болѣе яркаго изображенія того душевнаго состоянія, въ какомъ живетъ приговоренный къ смертной казни. Такая исключительная яркость изображенія объясняется и великимъ творческимъ талантомъ писателя и тѣмъ обстоятельствомъ, что писатель пользовался автобіографическимъ матеріаломъ. И если миссія писателя-художника заключается въ томъ, чтобы глаголомъ жечь сердца людей, чтобы чувства добрыя лирой пробуждать, то Достоевскій въ данномъ случаѣ выполнилъ эту миссію въ совершенствѣ. Выписанныя страницы изъ „Идіота"—наиболѣе сильный протестъ противъ смертной казни, какой когда либо раздавался въ художественной литературѣ. По справедливому замѣчанію доктора Баженова, „слѣдовало бы ихъ напечатать на зерцалѣ во всѣхъ судилищахъ, которыя полномочны выносить смертные приговоры" *).

---

*) Противъ смертной казни. Изд. 2. Стр. 132

Подобно Достоевскому, и Чеховъ говоритъ о мукахъ тѣхъ, которые осуждены на казнь. Въ „Островѣ Сахалинѣ“ читаемъ:

„Страхъ смерти и обстановка казни дѣйствуютъ на приговоренныхъ угнетающимъ образомъ. На Сахалинѣ еще не было случая, чтобы преступникъ шелъ на казнь бодро. У каторжнаго Черношея, убійцы лавочника Никитина, когда передъ казнью вели его изъ Александровска въ Дуэ, сдѣлались спазмы мочевого пузыря, и онъ то и дѣло останавливался; его товарищъ по преступленію Кинжаловъ сталъ заговариваться. Передъ казнью надѣваютъ саванъ, читаютъ отходную. Когда казнили убійцъ Никитина, то одинъ изъ нихъ не вынесъ отходной и упалъ въ обморокъ. Самому молодому изъ убійцъ, Пазухину, уже послѣ того, какъ на него былъ надѣтъ саванъ и прочли ему отходную, было объявлено, что онъ помилованъ; казнь ему была замѣнена другимъ наказаніемъ. Но сколько долженъ былъ пережить въ короткое время этотъ человѣкъ!“

Чеховъ говоритъ въ томъ же „Островѣ Сахалинѣ“ и о мукахъ тѣхъ, которые вынуждены принимать то или иное, близкое или отдаленное, участіе въ совершеніи смертныхъ казней: мучатся чиновники, офицеры, начальникъ округа, начальникъ команды, священникъ.

„Въ Корсаковскомъ округѣ за убійство айно было приговорено къ смертной казни 11 человѣкъ. Всю ночь наканунѣ казни чиновники и офицеры не спали, ходили другъ къ другу, пили чай. Было общее томленіе и никто не находилъ себѣ мѣста. Двое изъ приговоренныхъ отравились борцомъ—большая непріятность для военной команды, на отвѣтственности которой находились приговоренные. Начальникъ округа слышалъ ночью суматоху, и ему было доложено, что двое отравились, но все же передъ самою казнью, когда всѣ собрались около висѣлицъ, долженъ былъ задать начальнику команды вопросъ:

— Приговорено было къ смертной казни одинадцать, а тутъ я вижу только девять. Гдѣ же остальные два?

Начальникъ команды, вмѣсто того, чтобы отвѣтить ему такъ же оффиціально, забормоталъ нервно:

— Ну, повѣсьте меня самого. Повѣсьте меня...

Было раннее октябрьское утро, сѣрое, холодное, темное. У приговоренныхъ отъ ужаса лица желтыя и шевелятся волосы на

головѣ. Чиновникъ читаетъ приговоръ, дрожитъ отъ волненія и заикается отъ того, что плохо видитъ. Священникъ въ черной ризѣ даетъ всѣмъ девяти поцѣловать крестъ и шепчетъ, обращаясь къ начальнику округа:

— Ради Бога, отпустите, не могу"...

Начальникъ округа старается сохранить спокойствіе. Повидимому, онъ равнодушно относится къ смертнымъ казнямъ. Повидимому, онъ съ легкимъ сердцемъ разсказываетъ о томъ, что когда повѣсили 9 человѣкъ, то образовалась „цѣлая гирлянда," или о томъ, что одного повѣсили въ другой разъ, такъ какъ доктора нашли, что онъ еще живъ былъ, когда его сняли съ петли. Но это равнодушіе напускное. Послѣ казни начальникъ округа „не могъ спать цѣлый мѣсяцъ."

Л. Н. Толстой о смертной казни.

Великій писатель русской земли Л. Н. Толстой неоднократно высказывалъ свои мнѣнія о смертной казни и въ XIX и въ XX вв.

Защита солдата въ военномъ судѣ по обвиненію въ преступленіи, обложенномъ смертною казнью. Позднѣйшій отзывъ объ этомъ.

Впервые Л. Н. близко, на практикѣ, столкнулся съ вопросомъ о смертной казни въ 1866 году.

Военный писарь Шибунинъ далъ пощечину ротному командиру. Шибунинъ преданъ былъ военному суду. Его ожидалъ смертный приговоръ. Два офицера того полка, въ которомъ служили обвиняемый и пострадавшій и который расположенъ былъ вблизи Ясной Поляны, просили Л. Н. Толстого взять на себя защиту Шибунина. Получено было согласіе, и Л. Н. произнесъ въ засѣданіи суда защитительную рѣчь. Рѣчь построена была на доказательствѣ того положенія, что подсудимый—человѣкъ глупый, что, сверхъ того, въ моментъ совершенія преступленія, онъ находился въ состояніи умопомѣшательства. Вслѣдствіе этого къ нему должны быть примѣнены статьи 109 и 116, требующія уменьшенія наказанія. Эти статьи должны быть примѣнены къ подсудимому и въ силу 81 ст., которая говоритъ, что судъ долженъ быть болѣе милосерднымъ, нежели жестокимъ, памятуя, что и судьи—человѣки.

Рѣчь не убѣдила судей. Они вынесли смертный приговоръ. Хлопоты Л. Н. въ высшихъ сферахъ о помилованіи тоже не увѣнчались успѣхомъ. Шибунинъ былъ казненъ.

Біографъ Л. Н. Толстого П. Бирюковъ говоритъ, что онъ испытывалъ „чувство неудовлетворенія отъ той блѣдной роли, которую пришлось играть въ этомъ дѣлѣ Льву Николаевичу.“ Онъ обратился къ Л. Н. съ просьбой высказать его теперешнее отношеніе къ своему участію въ дѣлѣ защиты казненнаго солдата. Отвѣтъ на эту просьбу изложенъ въ письмѣ къ Бирюкову, написанномъ 24 мая 1908 года.

О своей рѣчи, произнесенной въ 1866 году въ защиту Шибунина, Л. Н. въ 1908 году говоритъ, что ее „просто стыдно читать теперь... Ужасно возмутительно мнѣ было перечесть теперь эту напечатанную у васъ мою жалкую, отвратительную защитительную рѣчь. Говоря о самомъ явномъ преступленіи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, которое одни люди готовились совершить надъ своимъ братомъ, я ничего не нашелъ лучшаго, какъ ссылаться на такія то, кѣмъ то написанныя, глупыя слова, называемыя законами. Да, стыдно мнѣ теперь читать эту жалкую, глупую защиту. Вѣдь, если только человѣкъ понимаетъ то, что собираются дѣлать люди, сѣвшіе въ своихъ мундирахъ съ трехъ сторонъ стола, воображая себѣ, что вслѣдствіе того, что они такъ сѣли и что на нихъ мундиры, и что въ разныхъ книгахъ напечатаны и на разныхъ листахъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ написаны извѣстныя слова, что вслѣдствіе всего этого они могутъ нарушить вѣчный, общій законъ, записанный не въ книгахъ, а во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ, то вѣдь одно, что можно и должно сказать такимъ людямъ, это-то, чтобы умолять ихъ вспомнить о томъ, кто они и что они хотятъ дѣлать. А никакъ не доказывать разными хитростями, основанными на тѣхъ лживыхъ и глупыхъ словахъ, называемыхъ законами, что можно и не убивать этого человѣка“...

„Тогда, сознается Л. Н., я еще ничего не понималъ этого“. Онъ только смутно чувствовалъ, что „смертная казнь, сознательно разсчитанное, преднамѣренное убійство, есть дѣло прямо противоположное тому закону христіанскому, который мы будто бы исповѣдуемъ, и дѣло, явно нарушающее возможность и разумной жизни, и какой бы то ни было нравственности.“ Только позже

Л. Н. совершенно ясно понялъ, что всякое насиліе — величайшее зло, которому нѣтъ оправданія; понялъ и грубый обманъ тѣхъ разсужденій церковныхъ и научныхъ, коими объясняется необходимость и законность убійства однихъ людей по волѣ другихъ.

Письмо къ Императору Александру III по поводу предстоявшей казни террористовъ.

Ясно уже понималъ все это Л. Н., когда вторично столкнулся съ тѣмъ же вопросомъ о смертной казни послѣ событія 1 марта 1881 года. Убитъ былъ террористами Императоръ Александръ II. Вскорѣ убійцы были приговорены къ смертной казни. Л. Н. Толстой, смотрѣвшій на жизнь съ высоты евангельскаго ученія, не могъ сочувствовать дѣлу террористовъ, не могъ сочувствовать и смертному приговору надъ ними. Онъ осуждаетъ революціонный терроръ, осуждаетъ и смертныя казни, по приговору суда. „Судъ надъ убійцами и готовящаяся казнь, говоритъ онъ, произвели на меня одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моей жизни. Я не могъ перестать думать о нихъ, но не столько о нихъ, сколько о тѣхъ, кто готовился участвовать въ ихъ убійствѣ, и особенно объ Александрѣ III Мнѣ такъ ясно было, какое радостное чувство онъ могъ-бы испытать, простивъ ихъ".

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Л. Н. пишетъ письмо Императору Александру III. Письмо начинается словами: „Ваше Императорское Величество. Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человѣкъ, пишу русскому Императору и совѣтую ему, что ему дѣлать въ самыхъ сложныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ, которыя когда либо бывали. Я чувствую, какъ это страшно, неприлично и дерзко, и все таки пишу... Пишу не потому, что я высоко о себѣ думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый передъ всѣми, боюсь еще быть виноватымъ, не сдѣлавъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать". Дальше дѣлается анализъ создавшагося положенія.

„Отца Вашего, царя русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка, безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей: убили во имя какого то блага всего человѣчества.

Вы стали на его мѣсто, и передъ Вами тѣ враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете мѣсто Вашего отца, и для того мнимаго общаго блага, котораго они ищутъ, они должны желать убить и Васъ.

Къ этимъ людямъ въ душѣ Вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ тою обязанностью, которую Вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго потому, что нельзя себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. „Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь ввѣренныхъ милліоновъ, и убійцы отца. Что другое можно сдѣлать съ ними, какъ не очистить отъ этой заразы русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадовъ? Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца, этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія.

Въ этомъ то искушеніи и состоитъ весь ужасъ Вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвѣщенные ученіемъ Христа.

Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основой обязанностей царя и должны сойтись съ ними.

Богъ не спроситъ Васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спроситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей."

Въ чемъ же заключаются человѣческія обязанности въ данномъ случаѣ? Не казнить, простить, воздать добромъ за зло.

„Простите, воздайте добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу, и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту."

„Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали бы этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали куда нибудь въ Америку и написали бы манифестъ со словами вверху: „а я говорю: любите враговъ своихъ," не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподдан-

ный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы я слышалъ Ваше имя. Да что я говорю: „не знаю, что другіе!“ Знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.“

Въ концѣ своего письма Л. Н. Толстой становится на точку зрѣнія цѣлесообразности, доказываетъ, что смертная казнь—безполезное средство въ борьбѣ съ революціонерами.

„Что такое революціонеры? Это люди, которые ненавидятъ существующій порядокъ вещей, находятъ и имѣютъ въ виду основы для будущаго порядка, который будетъ лучше.

Убивая, уничтожая ихъ, нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеалъ есть общій достатокъ, равенство, свобода; чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеалъ такой, который бы былъ выше ихъ идеала, включалъ бы въ себя ихъ идеалъ. Французы, англичане теперь борются съ ними и такъ же безуспѣшно.

Есть только одинъ идеалъ, который можно противопоставить имъ,—тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеалъ, идеалъ любви, прощенія и воздаянія добра за зло. Только одно слово прощенія и любви христіанской, сказанное и исполненное съ высоты престола, и путь христіанскаго царствованія, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россію. Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа“.

Письмо свое къ царю Л. Н. черезъ Страхова передалъ К. П. Побѣдоносцеву, котораго просилъ выполнить это важное порученіе. Побѣдоносцевъ прочиталъ и отказался передать Государю. А позже, послѣ казни, написалъ Л. Н.:

„Не взыщите, достопочтеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ, во 1-хъ, за то, что я оставилъ до сего времени безъ отвѣта письмо ваше, врученное мнѣ Н. Н. Страховымъ. Это произошло не изъ неучтивости или равнодушія, а отъ невозможности опознаться вскорѣ въ той суетѣ и путаницѣ мыслей и заботъ, ко-

торая одолѣвала и не перестаетъ еще одолѣвать меня послѣ 1 марта.

Во 2-хъ, не взыщите за то, что уклонился отъ исполненія вашего порученія. Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться по вѣрѣ. А прочитавъ письмо ваше, я увидѣлъ, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ.

Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія. Вотъ почему я по своей вѣрѣ и не могъ исполнить Ваше порученіе".

Страховъ сдѣлалъ другую попытку довести письмо Л. Н. до свѣдѣнія Государя: черезъ проф. К. Н. Бестужева-Рюмина оно было передано вел. кн. Сергѣю Александровичу, который передалъ его царю.

Разсказъ „Божеское и человѣческое". Романъ „Воскресеніе".

Касается Л. Н. Толстой вопроса о смертной казни и въ чисто художественныхъ произведеніяхъ, а именно въ разсказѣ „Божеское и человѣческое" и въ романѣ „Воскресеніе".

Въ „Божескомъ и человѣческомъ" говорится о вліяніи казни на палача.

Повѣсили террориста Свѣтлогуба „Вѣшатель исполнилъ то, что ему приказали и поручили сдѣлать. Но это было не легко исполнить. Слова Свѣтлогуба: „а тебѣ не жалко меня"—не покидали его. Палачъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за убійство. Совершеніе казней давало ему извѣстныя льготы и покой. Но съ этого дня онъ отказался исполнять обязанность, которую онъ взялъ на себя. И въ эту самую недѣлю пропилъ не только деньги, но также стоимость сравнительно хорошаго платья и дошелъ до такого состоянія, что его перевели въ камеру, а оттуда въ госпиталь".

Въ русскомъ изданіи „Воскресенія" пропущена одна глава, „Смертная казнь". Разсказывается о казни поляка Лозинскаго и еврея, мальчика 17 лѣтъ, Розовскаго. Они попались съ польскими прокламаціями, пытались освободиться отъ конвоя, когда ихъ вели на желѣзную дорогу. Были приговорены къ смертной казни.

„Никто этого не ожидалъ. Такъ не важно ихъ было дѣло— они только пытались отбиться отъ конвоя и никого не ранили даже. И потому такъ неестественно, чтобы можно было такого ребенка, какъ Розовскій, казнить... Въ тюрьмѣ рѣшили, что это только, чтобы попугать, и что приговоръ не будетъ конфирмованъ".

Но приговоръ былъ конфирмованъ и казнь была совершена. Ночь передъ казнью—„ужасная была ночь". Одинъ изъ заключенныхъ, узнавшій о предстоящей казни товарищей по заключенію, „всю ночь прислушивался ко всѣмъ звукамъ". Не только на заключенныхъ, но и на администрацію тюрьмы предстоящая казнь наводила ужасъ. Смотритель тюрьмы,—„толстый былъ, казалось, самоувѣренный, рѣшительный человѣкъ". Но вотъ онъ пришелъ, чтобы вести на казнь,—„на немъ лица не было: блѣдный, понурый, точно испуганный".

Изъ двухъ осужденныхъ одинъ, старшій, полякъ, сохранилъ бодрость духа. Другой, мальчикъ-еврей, упирался ногами, когда его вели на казнь, „пронзительно визжалъ и плакалъ"; передъ висѣлицей „долго бился, такъ что его втащили на эшофотъ и силою вложили ему голову въ петлю".

Не убій никого.

Въ XX вѣкѣ, когда начались массовыя казни, протестъ противъ смертной казни со стороны писателей-художниковъ усилился. Великій писатель русской земли Л. Н. Толстой, и раньше высказывавшійся противъ смертной казни, теперь энергично протестуетъ противъ этого зла.

По случаю убійства итальянскаго короля написана была Л. Н. брошюра „Не убій". „Въ брошюрѣ говорится, что кромѣ того, что всякое убійство человѣка человѣкомъ преступно и противно тому религіозному ученію, которое мы исповѣдуемъ,—убійство революціонерами королей, императоровъ, вообще правителей безсмысленно, такъ какъ строй государственной жизни не можетъ измѣниться вслѣдствіе убійства правителей; мотивы же такихъ убійствъ неосновательны, такъ какъ убивая правителей за совершаемыя ими дѣла насилія, люди забываютъ, что виноваты

въ этомъ они сами своимъ повиновеніемъ правительствамъ и содѣйствуетъ тому, за что упрекаютъ правителей".

За распространеніе брошюры „Не убій" въ началѣ іюля 1907 г. былъ посаженъ въ тюрьму одинъ изъ издателей „Обновленія". По этому поводу Л. Н. Толстой напечаталъ статью „Не убій никого".

Л. Н. указываетъ на сходсто между смертными казнями по приговору государственныхъ судовъ и террористическими актами по постановленію революціонныхъ комитетовъ и проводитъ ту мысль, что и то другое—убійство, недопустимое съ христіанской точки зрѣнія.

Старинная заповѣдь гласитъ „не убій". Христосъ считалъ эту заповѣдь до такой степени установленною, что не говорилъ о ней. Во главу всѣхъ заповѣдей Онъ поставилъ „заповѣдь о томъ, что всякій человѣкъ долженъ избѣгать всего того что можетъ привести къ убійству: не держать зла на ближнихъ, прощать всѣхъ, со всѣми мириться, не имѣть враговъ. Но эта заповѣдь не только не была принята людьми, но даже древняя заповѣдь, запрещавшая убійство, была отвергнута такъ же, какъ она была отвергнута законами Моисея, и люди, называвшіе себя христіанами, продолжали съ полною увѣренностью въ своей правотѣ убивать и на войнѣ и дома всѣхъ тѣхъ людей, смерть которыхъ представлялась имъ желательной. Правительства христіанскихъ народовъ съ помощью церковниковъ долго обучали управляемые ими народы тому, что заповѣдь „не убій" не значитъ то, что люди не должны убивать себѣ подобныхъ, но что есть случаи, когда не только можно, но и должно убивать людей; и народы вѣрили правительствамъ и содѣйствовали убійствамъ тѣхъ, кого правительства предназначали къ убійствамъ. Когда же пришло время и вѣра въ непогрѣшимость нарушилась, народы стали по отношенію къ людямъ, составляющимъ правительства, поступать точно такъ же, какъ поступали правительства по отношенію людей, смерть которыхъ представлялась имъ желательной, только съ той разницей, что правительства считали, что убивать можно на войнѣ и послѣ извѣстныхъ совѣщаніи, которыя называются судами, народы же рѣшили, что можно убивать во время революціи и послѣ совѣщанія извѣстныхъ людей, называющихъ себя революціонными комитетами и т. п.

И сдѣлалось то, что происходитъ теперь въ Россіи, т. е. что послѣ 1900 лѣтъ проповѣди христіанства люди уже два года, не переставая, убиваютъ другъ друга, революціонеры своихъ враговъ, правители своихъ враговъ; убиваютъ мущинъ, женщинъ, дѣтей,—всѣхъ тѣхъ, смерть которыхъ считаютъ для себя полезной, и что удивительнѣе всего, это то, что, поступая такъ, они вполнѣ увѣрены, что не нарушаютъ ни нравственнаго, ни религіознаго закона".

Какъ объяснить это извращеніе закона Божьяго? Это объясняется тѣмъ, что нѣтъ у людей общаго всѣмъ религіознаго жизнепониманія, нѣтъ одного и того же пониманія основного смысла жизни. И русскому народу, и другимъ народамъ христіанскаго міра предстоитъ усвоить то общее міропониманіе, при которомъ не только невозможно, но и совершенно ненужно убійство человѣка человѣкомъ. На этомъ міропониманіи основано соединеніе людей взамѣнъ теперешняго соединенія, основаннаго на насиліи. Тогда наступитъ царство Божіе на землѣ.

Заповѣдь „не убій никого" въ точности и свободно будетъ выполняться людьми тогда, когда наступить царство Божіе. „Но что же дѣлать, пока его нѣтъ? Дѣлать то, что нужно для того, чтобы наступило царство Божіе. Что дѣлать голодному человѣку, пока у него нѣтъ пищи? Работать для того, чтобы пріобрѣсти пищу. Какъ пища не приходитъ сама собой, такъ царство Божіе, т. е. добрая жизнь людей, не придетъ сама собой. Надо ее дѣлать. А чтобы дѣлать ее, надо перестать дѣлать самое ужасное зло, то, которое болѣе всего утверждаетъ дурную жизнь людей: убійство. И для того, чтобы перестать дѣлать это дѣло, нужно очень немного. Сознаніе несвойственности человѣческой природѣ убійства себѣ подобныхъ уже достаточно укоренилось въ огромномъ большинствѣ христіанскаго міра. Нужно только одно: понять, признать и проводить въ жизнь мысль о томъ, что мы не призваны устраивать жизнь другихъ людей насиліемъ, неизбѣжно влекущимъ за собой убійство и что всякое убійство, которое мы совершаемъ, въ которомъ участвуемъ, на которомъ строимъ выгоды своей жизни, не можетъ быть полезно ни другимъ, ни намъ, а, напротивъ того, увеличиваетъ то зло, которое мы хотимъ исправить".

Не могу молчать.

Статья „Не убій никого“ появилась 5 авг. 1907 г. Приблизительно черезъ годъ послѣ этого Л. Н. снова выступаетъ съ горячимъ протестомъ противъ смертной казни. Лѣтомъ 1908 года во всѣхъ почти столичныхъ газзетахъ была напечатана и во многихъ провинціальныхъ газетахъ перепечатана статья „Не могу молчать“. То было время нѣкотораго затишья въ области борьбы русскаго общества со смертной казнью. Казни продолжались. Но замолкли голоса, энергично протестовавшіе противъ казней въ эпоху петицій и резолюцій до созыва Государственной Думы, а также въ эпоху Думы перваго созыва и Думы второго созыва. Молчала придавленная репрессіями печать. Молчала третья Государственная Дума... Молчаніе прерываетъ Л. Н. Онъ громко заявляетъ, что молчать не можетъ. И заявленіе производитъ сильное впечатлѣніе и въ Россіи и, за границей: величайшій изъ современныхъ писателей, къ словамъ котораго прислушивается весь культурный міръ, сильно и рѣшительно, съ глубокой вѣрой и сердечной искренностью высказалъ свои заповѣдныя, выстраданныя убѣжденія по вопросу громадной важности.

Въ началѣ своей статьи „Не могу молчать“ Л. Н. объясняетъ, что заставило его прервать молчаніе и такимъ образомъ нарушить тотъ принципъ, котораго онъ придерживается — „не судите, да не судимы будете“. Толстой пишетъ: „Я долго боролся съ тѣмъ чувствомъ, которое возбуждали и возбуждаютъ во мнѣ виновники этихъ страшныхъ преступленій; но я не могу и не хочу больше бороться съ этимъ чувствомъ“... „Вѣдь все, что дѣлается теперь въ Россіи, дѣлается во имя общаго блага, во имя обезпеченія и спокойствія жизни людей, живущихъ въ Россіи. Для меня, стало быть, и нищета народа, лишеннаго перваго, самаго естественнаго права человѣческаго, — пользованія той землей, на которой онъ родился...; для меня всѣ эти высылки людей изъ мѣста въ мѣсто, для меня эти сотни тысячъ голодныхъ, блуждающихъ по Россіи рабочихъ, для меня эти сотни тысячъ несчастныхъ, мрущихъ отъ тифа, отъ цынги, въ недостающихъ для всѣхъ крѣпостяхъ и тюрьмахъ; для меня страданія матерей, женъ, отцовъ изгнанныхъ, запертыхъ, повѣшенныхъ; для меня

эти шпіоны, подкупы;... для меня закапываніе десятковъ, сотенъ разстрѣливаемыхъ, для меня эта ужасная работа трудно добываемыхъ, но теперь уже не такъ гнушающихся этимъ дѣломъ людей-палачей; для меня эти висѣлицы съ намыленными петлями, съ висящими на нихъ женщинами и дѣтьми, мужчинами; для меня это страшное озлобленіе людей другъ противъ друга... Сознавая это, я не могу далѣе переносить этого, не могу и долженъ освободиться отъ этого мучительнаго положенія. Нельзя такъ жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу такъ жить, не могу и не буду".

Нельзя такъ жить. Но такая жизнь—фактъ. Какъ же отнестись къ нему? Для писателя отвѣтъ ясенъ: писатель писаніями своими протестуетъ противъ него. „Затѣмъ я пишу, говоритъ Л. Н. и буду всѣми силами распространять то, что пишу, и въ Россіи, и внѣ ея, чтобы одно изъ двухъ: или кончились эти нечеловѣческія дѣла, или уничтожилась бы моя связь съ этими дѣлами, чтобы или посадили меня въ тюрьму, гдѣ бы я ясно сознавалъ, что не для меня уже дѣлаются всѣ эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (такъ хорошо, что я и не смѣю мечтать о такомъ счастьѣ), надѣли на меня такъ же, какъ на тѣхъ двадцать или двѣнадцать крестьянъ, саванъ, колпакъ и такъ же столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затянулъ на своемъ старомъ горлѣ намыленную петлю".

Толстой протестуетъ противъ смертной казни и другихъ видовъ насилія. Онъ осуждаетъ убійцъ, экспропріаторовъ и тѣхъ, которые думаютъ, что „перебить крупныхъ землевладѣльцевъ, чтобы завладѣть ихъ земляли, представляется самымъ вѣрнымъ разрѣшеніемъ земельнаго вопроса".

Но отъ такого сопоставленія смертной казни съ другими видами убійствъ выступаетъ съ полною ясностью ея безсмысленность и жестокость. Вотъ простая и вмѣстѣ съ тѣмъ страшная картина смертной казни, нарисованная великимъ художникомъ:

„Двѣнадцать*) мужей, отцовъ, сыновей, тѣхъ людей, на добротѣ, трудолюбіи, простотѣ которыхъ только и держится русская

---

*) Въ то время во многихъ газетахъ напечатана была телеграмма о томъ, что въ Херсонѣ казнены 20 человѣкъ; впослѣдствіи появилось оффиціальное опроверженіе: не 20, а 12.

жизнь, схватили, посадили въ тюрьмы, заковали въ ножные кандалы. Потомъ связали имъ за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой ихъ будутъ вѣшать, и привели подъ висѣлицы... Палачи,—ихъ нѣсколько, одинъ не можетъ управиться съ такимъ сложнымъ дѣломъ,—разведя мыло и намыливъ петли веревокъ, чтобы лучше затягивались, берутся за закованныхъ, надѣваютъ на нихъ саваны, взводятъ на помостъ съ висѣлицами и накладываютъ на шеи намыленыя веревочныя петли... И вотъ, одинъ за другимъ, живые люди сталкиваются съ выдернутыхъ изъ подъ ихъ ногъ скамеекъ и своею тяжестью сразу затягиваютъ на своей шеѣ петли и мучительно задыхаются. За минуту еще передъ этимъ живые, люди превращаются въ висящія на веревкахъ мертвыя тѣла, которыя сначала медленно покачиваются, потомъ замираютъ въ неподвижности... Врачъ обходитъ тѣла, ощупываетъ и докладываетъ начальству, что дѣло совершено, какъ должно: всѣ 12 человѣкъ несомнѣнно мертвы. И начальство удаляется къ своимъ обычнымъ занятіямъ съ сознаніемъ добросовѣстно исполненнаго, хотя и тяжелаго, но необходимаго дѣла. Застывшія тѣла снимаютъ и зарываютъ“!

Смертная казнь—убійство, но убійство, которому нѣтъ оправданія,—хладнокровное, ненужное.

Христіанство и смертная казнь.

Вскорѣ послѣ напечатанія статьи „Не могу молчать“ Л. Н. снова заговорилъ о смертной казни.

Видный сотрудникъ „Новаго Времени“ А. Столыпинъ написалъ въ концѣ 1908 г. статью, въ которой оправдывалъ смертную казнь съ точки зрѣнія евангельскаго ученія Христа. Одинъ изъ петербургскихъ студентовъ послалъ вырѣзку изъ „Нов. Вр.“ (отъ 18 дек. 1908 г.) со статьей Столыпина Л. Н. Толстому при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Многоуважаемый Левъ Николаевичъ! Посылаю Вамъ статью А. Ст—на, напечатанную въ „Новомъ Времени“ 18 декабря, и очень прошу Васъ сообщить, что Вы думаете о ней, а въ особенности о словахъ Христа: утверждаетъ ли Онъ, что „злословящій отца и мать“ подлежитъ смертной казни?“

Л. Н. немедленно (20 дек.) отвѣтилъ студенту: „Оправдывать смертную казнь словами Христа не рѣшался до сихъ поръ

ни одинъ изувѣръ. Такое оправданіе кромѣ своей искусственности и глупо и безсовѣстно.

Выводъ изъ такого толкованія буквы писанія, называемаго священнымъ, только одинъ: тотъ, что нѣтъ ничего болѣе вреднаго для пониманія ученія Христа и болѣе губительнаго и для истинной религіи и истинной нравственности, какъ приписываніе непогрѣшимости буквѣ писанія, такъ какъ нѣтъ большихъ нелѣпостей, гадостей и жестокостей, чѣмъ тѣ, которыя основывались на этой буквѣ. На статью же Столыпина можно отвѣтить только однимъ словомъ: „стыдно", что и написалъ ему".

Не ограничиваясь этимъ отвѣтомъ на письмо студента, Л. Н. написалъ въ концѣ 1908 г. и въ началѣ 1909 г. статью „Христіанство и смертная казнь". Въ статьѣ проводится та мысль, что всякое убійство, и смертная казнь въ томъ числѣ, противорѣчитъ христіанскому ученію. Въ заключеніе авторъ обращается къ читателю съ призывомъ вспомнить вѣчную истину о томъ, что людямъ свойственно жить не насиліями и убійствами, а любовью.

Вотъ эта статья Л. Н. въ сокращенномъ видѣ:

„Знаю, что соединенные ложнымъ правительственнымъ устройствомъ люди, совершающіе преступленія, которыя они называютъ казнями, не услышатъ потому, что не хотятъ слышать того, что я кричу, о чемъ умоляю ихъ; но я все-таки не перестану кричать, умолять все объ одномъ и томъ же до послѣдней минуты моей жизни, которой такъ немного осталось, или до тѣхъ поръ, пока тѣ самые люди, которыхъ я обличаю, не помѣшаютъ мнѣ обличить ихъ, сдѣлавъ надо мной то же, что они дѣлаютъ надъ другими непріятными имъ людьми, въ томъ числѣ все чаще и чаще за послѣднее время и надъ моими друзьями за распространеніе моихъ книгъ. Не могу молчать именно потому, что, будучи своимъ ли возрастомъ, своей ли случайно раздутой репутаціей или по какимъ-либо другимъ неизвѣстнымъ и непонятнымъ мнѣ обстоятельствамъ поставленъ въ исключительное положеніе, въ такое, при которомъ я одинъ могу говорить среди всѣхъ живущихъ въ Россіи съ зажатами ртами людей, я своимъ молчаніемъ показывалъ бы согласіе и одобреніе...

Пишу и теперь о томъ же, о томъ отношеніи людей нашего мнимо-христіанскаго міра, въ особенности, такъ называемаго, образованнаго класса, къ смертной казни.

Отношеніе это съ поразительной яркостью выразилось и въ статьѣ г-на Ст—на. Какъ ни ничтожна сама по себѣ статья эта и какъ ни нелѣпа, она все таки представляетъ изъ себя очень опредѣленное кощунство надъ всѣмъ тѣмъ, что всегда было и есть и будетъ священно для людей, понимающихъ христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ. Въ статьѣ этой, напечатанной въ газетѣ, имѣющей сотни тысячъ читателей, говорится о томъ, что Христосъ не только не запрещалъ убійство, не только признавалъ необходимой смертную казнь, но упрекалъ людей за то, что они отмѣнили ее. Это Христосъ, проявленіе Бога любви, того Бога, который есть любовь! И статья эта печатается, распространяется по всей Россіи, и тѣ мнимые христіане, которые изъ всего евангелія дорожатъ болѣе всего тѣми мѣстами, гдѣ говорится о томъ, какъ Христосъ хлесталъ кнутомъ людей въ храмѣ и какъ спрашивалъ, есть ли у учениковъ мечи, не только не возражаютъ, но не обращаютъ никакого вниманія на это кощунство, и статья проходитъ замѣченной только тѣми, которые видятъ въ ней новое оправданіе необходимаго имъ преступленія. Статья, положимъ, очень неосновательна и даже глупа. Не говоря уже о томъ, что въ древнемъ законѣ не говорится о смертной казни, а о простой смерти, и о томъ, что предсказывается смерть не за непрокормленіе, а за злословіе родителей, явное значеніе всего мѣста только то, что Христосъ, приводя слова Моисея, очевидно, говоритъ только о томъ, что надо почитать родителей, а никакъ не о томъ, что тѣ, которые убиваютъ теперь людей въ Россіи, поступаютъ правильно. Но вѣдь либеральныя газеты, по своей партійности стоящія противъ смертной казни, казалось, должны бы были, какъ онѣ это всегда дѣлаютъ въ обзорѣ печати,—указать на лживость и глупость этой статьи; но я пересмотрѣлъ около десятка газетъ и нигдѣ не нашелъ ни слова объ этомъ кощунствѣ*).

И статья, приписывающая Христу упреки тѣмъ, кто желалъ бы отмѣнить смертную казнь, проходитъ невозбранно, одобряемая, очевидно, и правительствомъ, и либералами.

Вѣдь это ужасно!

---

*) Нельзя не указать на неточность въ словахъ Л. Н.: статья г. Столыпина встрѣтила надлежащую отповѣдь въ газетахъ прогрессивнаго направленія.

Почти въ то же время на послѣднемъ засѣданіи женскаго съѣзда происходитъ слѣдующее: одна изъ женщинъ желаетъ высказать испытываемое ею и большинствомъ женщинъ тяжелое чувство, вызываемое частыми смертными казнями, но не успѣла она произнести словъ: смертная казнь, какъ выступилъ полицейскій и запретилъ продолжать говорить о томъ, что нехорошо убивать другъ друга.

То же самое и въ Думѣ на другой или на третій день послѣ статьи Ст— на. Одинъ изъ членовъ Думы, узнавъ о томъ, что въ одномъ изъ русскихъ городовъ въ одинъ день было приговорено 32 человѣка, нашелъ, что такое количество въ одинъ разъ слишкомъ велико, и нашелъ нужнымъ выразить по этому случаю свое и своихъ единомышленниковъ негодованіе. Какъ ни странно торжественное выраженіе негодованія людей, исповѣдующихъ тотъ же законъ и занимающихся уже нѣсколько лѣтъ задушеніемъ своихъ братьевъ и пожелавшихъ, по мнѣнію протестующихъ, задушить сразу слишкомъ много людей,—заявленіе это было сдѣлано. И что же? Какъ отозвалось на это выраженіе негодованія большинство мнимыхъ представителей народа? Отозвалось дикими воплями, ругательствами, отозвалось, главное,—какъ у всѣхъ преступниковъ, знающихъ свою преступность, тѣмъ же, чѣмъ отозвалось на выраженіе несочувствія убійству на женскомъ съѣздѣ, чѣмъ выражается оно во всѣхъ цензурныхъ распоряженіяхъ, карающихъ за всякую попытку осужденія убійства: желаніемъ во что бы то ни стало скрыть свое преступленіе, сдѣлать то, что дѣлаетъ всякій преступникъ: устранить свидѣтелей своего преступленія. Замѣчательно при этомъ особенно то, кто были тѣ, которые больше всего старались заставить замолчать людей, выражавшихъ негодованіе противъ смертной казни,—которые особенно возмущались желаніемъ людей прекращенія братоубійства? Все это были тѣ самые люди, которые увѣряютъ себя и другихъ, что они вѣрятъ въ законъ, который они называютъ христіанскимъ.

Въ христіанскомъ государствѣ всякій человѣкъ, достигшій возраста, долженъ быть солдатомъ, готовымъ къ убійству. Поощряется всякая готовность къ убійству. Разрѣшаются всякаго рода истязанія, отниманіе земли у людей, желающихъ кормиться земледѣліемъ. Разрѣшается проституція, организуется пьянство,

признается необходимымъ шпіонство, запрещается съ величайшей старательностью и заботливостью одно—высказываніе несочувствія убійцамъ.

Развѣ не ясно, что люди, поступающіе такъ, знаютъ, кто они такіе, знаютъ, что для дѣятельности ихъ нѣтъ и не можетъ быть никакого не только религіознаго или нравственнаго, но какого бы то ни было разумнаго оправданія.

Люди удивляются тому, что жизнь полна всякаго рода ужасовъ и зла. Да развѣ это можетъ быть иначе? Вѣдь жизнь можетъ быть несовершенна въ томъ обществѣ, гдѣ условія жизни отстаютъ отъ идеала, указываемаго вѣрою, или гдѣ сама вѣра включаетъ нѣкоторыя неясности и извращенія. Но какая же можетъ быть жизнь, не говорю нравственная, но сколько нибудь порядочная, въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ никакой вѣры, никакого опредѣленія смысла жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія? Въ Китаѣ, въ Индіи, въ Японіи, среди тѣхъ народовъ, которыхъ мы, воображающіе себя христіанами, считаемъ дикими, можетъ протекать болѣе или менѣе разумная человѣческая жизнь. Если у нихъ нѣтъ столько граммофоновъ, кинематографовъ, автомобилей, туалетныхъ украшеній, аэроплановъ, 30-этажныхъ домовъ, горъ печатной бумаги и т. п., какъ у насъ, то зато у нихъ есть религіозно-нравственный законъ и вытекающее изъ него руководство поведенія, которое люди считаютъ для себя обязательнымъ.

У насъ же, такъ называемыхъ христіанъ, есть много ненужныхъ и вредныхъ глупостей, которыми мы гордимся, но нѣтъ того одного, безъ чего жизнь человѣческая не жизнь, а животное существованіе. Нѣтъ никакого признаваемаго всѣми высшаго закона, объясняющаго смыслъ человѣческой жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія.

Удивительное дѣло, именно вслѣдствіе высоты, истинности и приложимости къ жизни христіанскаго религіознаго ученія, люди, принявшіе его, остались безъ всякаго, какого бы то ни было, религіознаго ученія.

Это-то отсутствіе всякой, какой бы то ни было вѣры, какъ въ людяхъ, борющихся съ правительствомъ, такъ и въ людяхъ составляющихъ правительство, въ самыхъ разнообразныхъ явле-

ніяхъ проявляется и въ особенности рѣзко теперь въ отношеніи нашего русскаго интеллигентнаго общества къ смертной казни.

Въ Думѣ члены выступаютъ противъ смертной казни, но выступаютъ они противъ нея не во имя какихъ-либо религіозныхъ, нравственныхъ основъ, а только потому, что въ передовыхъ странахъ она все меньше и меньше примѣняется, и потому, что отрицаніе смертной казни есть сильный козырь противъ враждебной партіи. Казалось бы самый простой, естественный и неотразимый доводъ противъ смертной казни былъ бы доводъ религіозный о томъ, что смертная казнь несовмѣстима съ тѣмъ христіанствомъ, котораго исповѣдниками признаютъ себя защитники казни. Но либералы не могутъ воспользоваться этимъ доводомъ, во-первыхъ, потому, что они сами не признаютъ никакой религіи и всякую религію считаютъ остаткомъ невѣжества и суевѣрія; во-вторыхъ, потому, что они смутно чувствуютъ, что настоящее христіанство должно отрицать всякое насиліе. Необходимость же насилія—хотя и для противоположныхъ цѣлей—они признаютъ такъ же, какъ и ихъ противники. Противники же ихъ, считающіе себя религіозными людьми, т. е. исповѣдующими мнимо христіанскую религію, исправленную и духовными, и гражданскими толкователями, вродѣ господина Ст—на, считаютъ смертную казнь до такой степени необходимымъ условіемъ христіанской жизни, что избавленіе отъ смерти, казалось бы, обязательное для всякаго человѣка, могущаго совершить это избавленіе, представляется такимъ людямъ какимъ-то особеннымъ подвигомъ...

Ты, консерваторъ, предписываешь казни, участвуешь въ нихъ, оправдываешь ихъ потому, что ты озабоченъ благомъ общества. То же говоришь и ты, революціонеръ, устраивая свои взрывы, убійства, экспропріаціи. Но вы вѣдь оба ошибаетесь и только обманываете людей и часто самихъ себя. Вѣдь, во-первыхъ, излюбленное тобою устройство жизни не можетъ быть несомнѣнно истиннымъ (такъ же увѣрены другіе); во-вторыхъ, никогда не осуществляется то устройство, которое хотятъ установить люди, а совершается, большей частью, совершенно противоположное; въ третьихъ, всякое насиліе, а потому и то, которое вы считаете себя въ правѣ употреблять, никакъ не содѣйствуетъ, а напротивъ, всегда противодѣйствуетъ всякому благоустройству; и

въ четвертыхъ, главное ваше призваніе въ этой жизни, которая всякую минуту можетъ прекратиться, никакъ не можетъ быть ни въ томъ, чтобы удерживать существующее устройство, ни въ томъ, чтобы устанавливать то или другое общественное устройство, а можетъ быть только въ исполненіи своихъ человѣческихъ обязанностей передъ Богомъ или передъ своей совѣстью, если вы не признаете Бога.

И ты, человѣкъ, всякую минуту могущій умереть, не находишь ничего лучшаго, какъ то, чтобы употреблять твою жизнь на то, чтобы посредствомъ насилій, убійствъ осуществлять или поддерживать излюбленое тобою общественное устройство, которое для твоей души, для исполненія твоего истиннаго назначенія жизни совершенно не нужно.

И потому кто бы ты ни былъ... террористъ, палачъ, лидеръ какой-либо партіи, солдатъ, профессоръ, кто бы ты ни былъ, вопросъ для тебя только одинъ: какія твои обязанности главнѣе и какими для какихъ ты долженъ пожертвовать: обязанностями члена государства, народа, революціонной партіи, или обязанностями человѣка, члена всего настоящаго, прошедшаго и будущаго человѣчества? Свойственно-ли тебѣ, разумному существу, человѣку, съ злобой, раздраженіемъ и часто отчаяніемъ употреблять твою, всякій часъ могущую изчезнуть, жизнь на дѣла насилія и убійства, во имя предполагаемаго тобой наилучшаго устройства, или, напротивъ, независимо отъ всякой заботы о томъ или другомъ устройствѣ, ставя выше всего свое человѣческое достоинство, употреблять свои силы на согласныя съ твоей совѣстью дѣла добра и любви, которыя сейчасъ, вполнѣ удовлетворяя тебя, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно приближаютъ и все человѣчество не къ тому фантастическому благу людей, которое каждый опредѣляетъ по своему, а къ тому несомнѣнному, хотя и неясному намъ по своей формѣ благу, къ коророму, не переставая, стремится человѣчество.

Да, положеніе теперешняго христіанскаго человѣчества ужасно. Одно утѣшеніе то, что оно такъ ужасно, что не можетъ дольше продолжаться. Не могутъ же люди не признать наконецъ ту вѣчную, хотя и смутно, но всегда сознаваемую каждымъ человѣкомъ истину о томъ, что людямъ свойственно жить не насиліемъ, не угрозами, не убійствами, а любовью, и сознавъ

эту истину, не могутъ же не измѣнить свою дѣятельность. Измѣненіе же дѣятельности само собой, хотя мы и не знаемъ, какъ, измѣнитъ и устройство жизни людей. Да, люди не могутъ не сдѣлать этого, не могутъ потому, что жизнь можно измѣнить по сознаваемой истинѣ, истину же нельзя измѣнить по той формѣ жизни, которая намъ нравится. Тѣмъ болѣе нельзя, что люди христіанскаго міра уже нѣсколько столѣтій пытаются дѣлать это, и всѣ попытки такого извращенія истины и продолженія прежней жизни ведутъ только къ все большимъ и большимъ бѣдствіямъ и все къ большему и большему уясненію истины".

Позднѣйшіе отзывы о смертной казни.

Послѣ статьи „Христіанство и смертная казнь" Л. Н. не писалъ о смертной казни. Но вопросъ этотъ не переставалъ волновать его, и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы осудить казни.

Такъ, газеты сообщали, что Л. Н. высказалъ свое негодованіе по поводу непрекращающейся практики казней въ бесѣдѣ съ посѣтившими его—сотрудникомъ одной московской газеты и самарскимъ депутатомъ Челышевымъ.

Въ началѣ 1909 года сотрудникъ московской понедѣльничной газеты „Жизнь" посѣтилъ Ясную Поляну и бесѣдовалъ съ Л. Н. Толстымъ по вопросу о смертной казни. Коснувшись въ бесѣдѣ недавнихъ публичныхъ казней во Франціи, Л. Н. сказалъ: „Какъ ужасно то, что они не понимаютъ, что дѣлаютъ. Не понимаютъ, что народъ знаетъ весь этотъ ужасъ казней, знаетъ, что этого не надо, и, если онъ идетъ смотрѣть на казнь, и шумитъ тамъ и неистовствуетъ, то не потому совсѣмъ, что онъ согласенъ съ этимъ, а потому, что онъ толпа, обезумѣвшая толпа, невѣдающая, что творитъ". Л. Н., сильно взволнованный, остановился, прервалъ свою рѣчь. „Нѣтъ, сказалъ онъ, я больше не могу объ этомъ говорить, я пойду погулять".

Сотрудникъ газеты описываетъ внѣшнюю обстановку столовой и кабинета Л. Н. Повсюду на этажеркахъ, столахъ, стульяхъ разбросаны книги, журналы. Большинство изъ нихъ съ надпи-

сями авторовъ. Изъ всѣхъ книгъ сотруднику бросилась въ глава одна—„Книга русской скорби“—въ ярко-цвѣтной обложкѣ, на которой нарисованы русскіе витязи, закованные въ латы, стоящіе со скрещенными на груди руками. Издали въ нихъ стрѣляютъ изъ браунинговъ какіе-то неизвѣстные. Рисунокъ изображаетъ павшихъ отъ рукъ революціонеровъ. Книга эта прислана Льву Николаевичу Пуришкевичемъ, предсѣдателемъ союза Михаила Архангела. На обложкѣ сдѣлана слѣдующая надпись: „Вотъ когда бы вамъ надо сказать „не могу молчать“.

Отвѣчалъ-ли Л. Н. Пуришкевичу—неизвѣстно. Но отношеніе его къ революціонному террору извѣстно: противникъ всякаго насилія, онъ осуждаетъ и террористическіе акты.

На прощанье сотрудникъ попросилъ Л. Н. написать нѣсколько мыслей по поводу ихъ бесѣды. Л. Н. написалъ: „Нѣтъ худа безъ добра. Добрая сторона та, что передъ каждымъ человѣкомъ прямо поставленъ вопросъ, во что онъ вѣритъ: въ Бога, въ совѣсть человѣческую или въ государство и во все то, что будетъ сдѣлано во имя его. Самое ужасное, что высшее сословіе признаетъ, что люди обязаны подчинять законъ Бога, законъ совѣсти, закону государства и его требованіямъ. Какъ ни ужасна и страшна глубокая развращенность низшаго сословія, но на него наша одна надежда. Надо вѣрить, что темный, необразованный, некультурный русскій мужикъ не промѣняетъ Бога на государство, Евангеліе на сводъ законовъ, заповѣдь „Не убій“—на статью 126. Пора народу опомниться, и онъ опомнится“ *).

Въ октябрѣ 1909 г. Л. Н-а посѣтилъ депутатъ Челышевъ. Разставаясь съ нимъ, Л. Н-ъ сказалъ: „А когда у васъ въ Думѣ отмѣнятъ смертную казнь? Неужели не понимаютъ, какъ безнравственно лишать человѣка жизни“.

Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ журнала „Русское Богатство“ за 1910 годъ была помѣщена прекрасная статья В. Г. Короленка—„Бытовое явленіе (замѣтки публициста о смертной казни)“. Статья произвела глубокое впечатлѣніе на Л. Н. По прочтеніи первой части онъ обратился съ горячимъ письмомъ къ

---

*) Наша Газета, 1909, № 33.

автору ея. Въ письмѣ выражена та жгучая боль, съ какой великій писатель относится къ ужасному злу, сдѣлавшемуся „бытовымъ явленіемъ“ русской жизни.

„Владиміръ Галактіоновичъ, пишетъ Л. Н. Сейчасъ прослушалъ вашу статью о смертной казни и всячески во время чтенія старался, но не могъ удержать не слезы, а рыданія. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность и любовь за эту и по выраженію, и по мысли, а главное по чувству—превосходную статью.

Ее надо перепечатать и распространять въ милліонахъ экземпляровъ. Никакія думскія рѣчи, никакія трактаты, никакія драмы, романы не произведутъ одной тысячной того благотворнаго дѣйствія, какое должна произвести эта статья.

„Она должна произвести это дѣйствіе потому, что вызываетъ такое чувство состраданія къ тому, что переживали и переживаютъ эти жертвы людского безумія, что невольно прощаешь имъ какія бы ни были ихъ дѣла, и ни какъ не можешь, какъ ни хочется этого, простить виновниковъ этихъ ужасовъ. Рядомъ съ этимъ чувствомъ вызываетъ ваша статья еще и недоумѣніе передъ самоувѣренной слѣпотой людей, совершающихъ эти жестокія дѣла, передъ безцѣльностью ихъ, такъ какъ ясно, что всѣ эти, глупо жестокія дѣла производятъ, какъ вы прекрасно показываете это, обратное предполагаемой цѣли дѣйствіе. Кромѣ всѣхъ этихъ чувствъ, статья ваша не можетъ не вызывать и еще другого чувства, которое я испытываю въ высшей степени,—чувство жалости не къ однимъ убитымъ, а еще и къ тѣмъ . . . . .

. . . .

которые совершаютъ эти ужасы, не понимая того, что дѣлаютъ.

Радуетъ одно то, что такая статья, какъ ваша, объединяетъ многихъ и многихъ живыхъ, неразвращенныхъ людей однимъ общимъ всѣмъ идеаломъ добра и правды, который, чтобы ни дѣлали враги его, разгорается все ярче и ярче“.*)

---

*) Письмо помѣчено: „27 марта 1910 г. Ясная Поляна“. Оно было напечатано въ пасхальномъ № газеты „Рѣчь“ (за 1910 г.). За помѣщаніе этого письма № „Рѣчи“ конфискованъ, до Томска не дошелъ, и я не имѣлъ возможности прочитать письмо цѣликомъ. Приведенные отрывки заимствованы изъ газетъ: „Кіевскія Вѣсти“ (1910 г., 22 апрѣля) и „Утро“ (1910 г 21 апр.).

Протестъ беллетристовъ XX в. противъ смертной казни.

Рядомъ съ Л. Н. Толстымъ видимъ въ XX вѣкѣ цѣлую плеяду писателей художниковъ, протестующихъ въ своихъ произведеніяхъ противъ смертной казни: Л. Андреевъ, Анучинъ, Арцыбашевъ, Ашешовъ, Берецкій, Будищевъ, Короленко, Муринъ, Пришвинъ, Свирскій, Семеновъ, Сергѣевъ, Соллогубъ, Чириковъ, Хинъ, Яблочковъ...*)

Не буду останавливаться на каждомъ писателѣ въ отдѣльности. Вмѣсто этого остановлюсь на тѣхъ сторонахъ вопроса о смертной казни, какія выдвинуты въ художественной литературѣ XX вѣка.

Что чувствуютъ казнимые?

Что чувствуютъ казнимые? Какъ относятся къ смертной казни осужденные на смерть? Вотъ первая тема, разработанная въ русской художественной литературѣ нашего времени.

На эту тему написанъ разсказъ „О семи повѣшенныхъ“ Л. Андреева. Четверо — Сергѣй Головинъ, Вернеръ, Муся и Таня Ковальчукъ сохранили твердость духа передъ казнью.

Жизнерадостный Сергѣй Головинъ, приговоренный къ смерти, рѣшилъ, что нужно умереть хорошо. Въ крѣпости сначала онъ занимался гимнастикой. Потомъ, когда къ нему началъ подкра-

---

*) Л. Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Изд. Шиповника. Спб. 1908 г
В. Анучинъ. Казнь Якова Стеблянскаго „Русская Мысль“, 19 8 г., іюнь.
М. Арцыбашевъ. Сказка стараго прокурора. „Соврем Міръ“, 1908 г. № 12.
Н. Ашешовъ. Послѣдніе могикане. „Образованіе“, 1908 г, № 8.
Мих. Борецкій. Изъ лѣтописи одного города. „Рѣчь“, 1909 г. № 216.
А. Будищевъ. Нервы. „Рѣчь“, 1909 г. № 342.
В. Г. Короленко. Бытовое явленіе. „Русское Богатство“, 1910 г., № 3—4.
Вл. Муринъ. Стыдъ потерянъ. „Слово“, 1908 г., № 798 799.
Ив. Пришвинъ. Палачъ. „Образованіе“. 1908 г., № 12.
А. Свирскій. Чудо. „Образованіе“, 1908 г, № 8.
Его-же. Звѣрь. „Нива“, литер. прилож., 1909 г., № 11.
Л Семеновъ. Смертная казнь. „Вѣстн. Европы“, 1908 г, авг.
Сергѣевъ. Годъ тюрьмы. „Вѣстникъ Европы“, 1910, г. апрѣль.
Ө. Соллогубъ. Старый домъ. Сборникъ „Земля“, кн. III. М.. 1909 г.
Е. Чириковъ. На порогѣ жизни. Сборникъ „Знанія“, кн. XX.
Р. М. Хинъ. Она придетъ. Сборникъ противъ смертной казни, 2 изд., М. 1907 г.
Г. Яблочковъ. Товарищъ Полетаевъ. „Альманахъ 17“. Спб., 1909 г.

дываться страхъ смерти, онъ рѣшилъ, что боится не онъ, а его молодое крѣпкое тѣло. „Нужно ослабить его“, и Сергѣй Головинъ посадилъ себя на діэту. Но страхъ смерти все таки появился. Чтобы освободиться отъ него, онъ снова началъ дѣлать гимнастическія упржненія. И смѣло и бодро встрѣтилъ казнь.

Вернеръ сильнѣе Сергѣя Головина. Чувство страха ему совершенно не было знакомо. Онъ „понималъ, что казнь не есть просто смерть, а что то другое,—но во всякомъ случаѣ рѣшилъ встрѣтить ее спокойно, какъ нѣчто постороннее; жить до конца такъ, какъ будто ничего не произошло и не произойдетъ. Только этимъ онъ могъ выразить высшее презрѣніе къ казни и сохранить послѣднюю, неотторжимую свободу духа“. И онъ сохранилъ свободу духа и ни на минуту не поддавался страху смерти. Страха не было. И не только не было страха, но наростало что то какъ будто бы противоположное ему—чувство смутной, но огромной и свѣтлой радости“. Просвѣтленнымъ и радостнымъ онъ встрѣтилъ смерть; ободряя и поддерживая товарищей, онъ пошелъ на эшафотъ.

Муся тоже не боялась смерти. Ей стыдно было, „что ее, моленькую, незначительную, сдѣлавшую такъ мало и совсѣмъ не героиню, подвергнутъ той самой почетной и прекрасной смерти, какою умирали до нея настоящіе герои и мученики“. Она пытается найти какое нибудь оправданіе того, что она „вступаетъ въ ряды тѣхъ, что извѣка черезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу“. Оправданіе находитъ въ безграничной готовности къ подвигу. Вѣдь не виновата она, что ей не дали сдѣлать всего, что она могла и хотѣла. Вѣдь человѣкъ цѣненъ не только потому, что онъ сдѣлалъ. А если такъ, то и она достойна мученическаго вѣнца. Когда Муся пришла къ такому выводу, несказанная радость охватила ее. Ясный миръ и покой, безбрежное, тихо сіяющее счастье. Не было страха смерти. Не было сознанія, что смерть существуетъ. Муся пришла въ состояніе экстаза. Она убѣждена: нѣтъ смерти. Съ этимъ убѣжденіемъ взошла на эшафотъ.

Не боится смерти и Таня Ковальчукъ,—не боится своей смерти, ибо не думаетъ о ней. Во всю свою жизнь она „думала только о другихъ и никогда о себѣ. Такъ и теперь только за другихъ мучилась она и тосковала сильно. Смерть она представляла себѣ

постольку, поскольку предстоитъ она, какъ нѣчто мучительное, для Сережи Головина, для Муси, для другихъ—ея же самой она какъ бы не касалась совсѣмъ.

Рядомъ съ этими четырьмя, которые сохранили твердость духа и мужественное самообладаніе передъ смертью, выведены въ разсказѣ Андреева трое другихъ, на которыхъ напалъ паническій ужасъ въ ожиданіи смерти: эстонецъ, Цыганокъ и Василій Каширинъ.

Батракъ-эстонецъ, человѣкъ неразвитой, неразговорчивый, равнодушно относился къ тому, что происходило на судѣ. Но когда прочитали смертный приговоръ, онъ заволновался и съ убѣжденіемъ заявилъ судьямъ: „меня не надо убивать". Фраза эта казалась ему верхомъ мудрости, онъ не переставалъ ее повторять и въ тюрьмѣ. Онъ успокоился, думалъ, что фраза подѣйствовала. Но вотъ привели въ тюрьму террористовъ и ему сказали: „скоро". Онъ почувствовалъ, что смерть неизбѣжна. На него напалъ ужасъ. Онъ началъ вопить, бѣгать по камерѣ. Свалился. Его привели въ себя. На него нашло состояніе, сходное, по мнѣнію надзирателя, съ тѣмъ, какое бываетъ у убиваемой скотины, когда ее оглушатъ ударомъ обуха по головѣ. Когда его вели на казнь, онъ упирался, хватался за попадавшіеся подъ руку предметы, упалъ въ снѣгъ. Но не кричалъ, какъ будто бы отъ страха забылъ, что у него есть голосъ.

Цыганокъ на волѣ ставилъ на карту свою безшабашную жизнь. Но вотъ онъ въ тюрьмѣ, приговоренъ къ смерти. „Его человѣческій мозгъ, поставленный на чудовищную грань между жизнью и смертью, распадался на части, какъ комокъ сухой и вывѣтрившейся глины".

Василій Каширинъ тоже боится смерти. Какъ то сразу, вдругъ напалъ на него страхъ. На волѣ онъ игралъ жизнью, шелъ на вѣрную смерть Но ему было легко, весело. Тогда онъ въ своихъ рукахъ держалъ свою жизнь и свою смерть. Теперь не то. Онъ уже не идетъ, куда хочетъ, а его везутъ, куда хотятъ. Онъ не выбираетъ мѣста, а его сажаютъ въ клѣтку, запираютъ на ключъ, какъ вещь. У него нѣтъ выбора: жизнь или смерть? Его непремѣнно умертвятъ. Онъ превращается въ животное, ожидающее бойни, въ вещь, которую можно переставлять, жечь, ломать. Эта

внезапная перемѣна наполнила его невыразимымъ ужасомъ. Онъ употреблялъ отчаянныя усилія, чтобы скрыть этотъ ужасъ.

И въ произведеніяхъ другихъ авторовъ разсказываются случаи, когда приговоренные встрѣчали смерть, сохраняя полное спокойствіе, и случаи, когда на нихъ нападалъ ужасъ.

Совершенно спокойно встрѣтилъ смерть инженеръ въ разсказѣ Семенова „Смертная казнь".

Таковъ и Варягинъ въ разсказѣ Ашешова „Послѣдніе Могикане". Когда начальникъ тюрьмы обратился къ нему, чтобы спросить о послѣднемъ желаніи, то онъ, предупреждая вопросы, спокойно сказалъ: „мнѣ ничего не надо, дѣлайте свое дѣло". И онъ быстро и ловко сбросилъ съ себя пальто и шляпу и, худой и хрупкій, медленно выпрямился. Къ нему подошелъ священникъ.— „Не надо, не надо! Отойдите!" Уже стоя на эшафотномъ столѣ подъ висѣлицей, онъ ободрялъ своего товарища, разсказывалъ ему о своихъ поэтическихъ замыслахъ, о той трагедіи, которую онъ хотѣлъ бы создать.

Таковы и двое молодыхъ людей въ томъ же разсказѣ Ашешова. Когда перваго изъ нихъ „спросили объ его предсмертномъ желаніи, онъ, вмѣсто отвѣта, неожиданно для всѣхъ и ловко вскочилъ на табуретъ, а затѣмъ и на столъ и, крикнувъ: „Да здравствуетъ свободный народъ!"—просунулъ голову въ петлю, отбросилъ обѣими ногами столъ, и закорчился въ предсмертныхъ мукахъ. Всѣ застыли отъ этой мгновенной быстроты, а второй приговоренный нервнымъ сдавленнымъ голосомъ уже кричалъ:— „Посмотрите, какъ насъ вѣшаютъ. Мы не боимся, мы привыкли умирать".

Спокойствіе, мужественное самообладаніе передъ казнью—удѣлъ немногихъ, обладающихъ большой силой воли. По общему же правилу, средній человѣкъ впадаетъ въ отчаяніе, испытываетъ ужасъ.

Объ этомъ отчаяніи и ужасѣ говоритъ Короленко въ статьѣ „Бытовое явленіе". Авторъ воспользовался для своей статьи матеріаломъ, сообщеннымъ ему однимъ интеллигентнымъ наблюдателемъ, который самъ былъ тюремнымъ сидѣльцемъ и имѣлъ возможность близко познакомиться съ обстановкой и психологіей

такъ называемыхъ ,,смертниковъ", т. е. людей, осужденныхъ на казнь.

Психологія... Въ первые дни послѣ произнесенія приговора „смертники" чувствуютъ себя сравнительно бодро. Авторъ приводитъ отрывки изъ писемъ, написанныхъ въ первые дни пребыванія въ тюрьмѣ. „Я чувствую себя очень хорошо". „Смерть для меня ничто"... „Одно могу сказать, что душевно я спокоенъ".. „Упадка духа какъ будто бы не замѣчается"... Такъ пишутъ „смертники" тогда, когда казнь кажется гдѣ то въ отдаленіи. Спокойствіе, отсутствіе страха смерти. Но вотъ дни идутъ. Приближается роковая минута. Къ человѣку незамѣтно подкрадывается страхъ. Страхъ усиливается Переходитъ въ нестерпимый ужасъ. „Страшная мертвая тишина давитъ меня. Мнѣ душно. Моя голова налита, какъ свинцомъ, и безсильно падаетъ на подушку"... „Я не нахожу словъ, я не въ силахъ передать на бумагѣ, какъ я мучаюсь ночами".. Чѣмъ ближе роковая развязка, тѣмъ сильнѣе мука. Нѣкоторые не въ состояніи ее вынести: кончаютъ самоубійствомъ.

Другіе писатели изображаютъ различныя формы той муки, какую испытываютъ „смертники" передъ казнью.

Товарищъ Варягина Анатолій (въ разсказѣ Ашешова) весь день наканунѣ смерти кричалъ. „Его нечеловѣческій, дикій, сдавленный крикъ звенѣлъ и разсыпался въ воздухѣ и наполнялъ собою и невидное небо, и черную землю, и весь замокъ". Уже стоя на эшафотѣ съ мѣшкомъ на головѣ, онъ „сдѣлалъ вдругъ рѣзкое движеніе и закричалъ, съ бѣшеной быстротою выбрасывая слова: —„Я безвинно умираю... Я хотѣлъ свободы! Палачъ! Есть стыдъ у тебя"..

Въ разсказѣ Яблочкова („Товарищъ Полетаевъ") приговоренный къ смерти старается ободрить себя, показать, что предстоящая казнь не страшитъ его. Онъ говоритъ товарищу по заключенію: „я совсѣмъ не боюсь умереть. Мнѣ только тяжело, когда я подумаю, что меня задушатъ, какъ скотину, и потому я сперва хотѣлъ себя убить. Потому что, можетъ быть, когда меня будутъ вѣшать, такъ мнѣ захочется пожить еще минутку и нельзя! А самъ я бы выбралъ время, когда захочу". Но въ дѣйствительности онъ охваченъ весь невыносимымъ ужасомъ. Онъ не спалъ по ночамъ, а когда въ изнеможеніи засыпалъ, то видѣлъ страш-

ные сны. Онъ пробовалъ читать, но видно было, „что онъ не читаетъ, а только смотритъ въ книгу, или же, если и читаетъ, то не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что читаетъ". Потомъ онъ отодвинулъ книгу, легъ. Пролежавъ нѣсколько минутъ, началъ молча ходить. „Онъ не ходилъ, какъ ходятъ, когда думаютъ. Онъ ходилъ, потому что отъ муки не находилъ себѣ мѣста. Онъ былъ отравленъ страшнымъ видомъ подступающей казни". Онъ думаетъ о томъ, какъ вѣшаютъ, что думаютъ тѣ, которыхъ вѣшаютъ... Онъ сталъ на табуретку и смотритъ въ окно „Онъ охватилъ руками прутья рѣшетки, всунулъ въ промежутокъ голову и смотрѣлъ. И было въ его фигурѣ, въ наклонѣ его головы, въ томъ, какъ судорожно впились его пальцы въ прутья рѣшетки, что то полное отчаянія и жадное". Казалось, „что онъ всѣмъ существомъ вбираетъ въ себя картину ночи и моря,—вбирая, прощается съ ними и съ жизнью и весь исходитъ въ порывѣ страстной тоски".

Въ „Сказкѣ стараго прокурора" Арцыбашева разсказывается такой случай:

Повѣсили убійцу. Когда его трупъ сняли съ висѣлицы, „и палачъ содралъ саванъ, оказалось, что онъ совершенно сѣдой. Онъ посѣдѣлъ въ эти двѣ три минуты, пока стоялъ подъ саваномъ, уже ничего не видя, и только чувствуя, какъ вокругъ его шеи копошатся цѣпкіе пальцы палача".

Рабочій въ разсказѣ Семенова передъ казнью пришелъ въ страшное нервное возбужденіе. Въ такомъ же возбужденіи находится гимназистъ. „На дворѣ, на мѣстѣ казни, передъ висѣлицами гимназистъ вдругъ разрыдался и плакалъ, заливаясь, слезами. Онъ ничего ужъ не могъ сказать и плакалъ какъ ребенокъ".

Сергѣевъ такъ изображаетъ душевное состояніе приговоренныхъ до казни. „Послѣ суда приговоренныхъ переводятъ въ особыя камеры—такъ называемые изоляторы, рядомъ съ тюремной конторой. Здѣсь они ждутъ—недѣлю, три недѣли, четыре мѣсяца. Ихъ выводятъ на свиданье, на прогулки, въ баню—и приговоренные къ смерти ходятъ на прогулки, въ баню... Они ждутъ. Кто сильнѣе, зоветъ смерть и, гуляя по закрытому дворику, зорко высматриваетъ стекло, гвоздь: въ своей камерѣ онъ перерѣзываетъ себѣ кровяные сосуды, и его, истекающаго кровью, выносятъ на холщевыхъ носилкахъ; главный тюремный врачъ выбивается изъ силъ спасти ему жизнь для висѣлицы. Колобинъ

искололь себѣ шею заржавленнымъ гвоздемъ, пытаясь поразить сонную артерію: онъ не нашелъ ея, укрѣпивъ гвоздь въ краю койки и надавливая на него молодой, сильной грудью, пробилъ ее до сердца".

Когда приближался день казни, усиливались муки „смертниковъ", дожившихъ до этого дня. Сначала, говоритъ Сергѣевъ, брали на казнь ночью. „Приговоренный знаетъ, что его возьмутъ ночью,—и онъ тревожно спитъ днемъ, а ночью не смыкаетъ глазъ, слѣдитъ, чутко прислушивается... Отворяется дверь... У него нѣтъ силъ: его выводятъ изъ камеры. Въ коридорѣ у него нѣтъ силъ обернуться назадъ и крикнуть товарищамъ, людямъ:—Прощайте... прощайте... Отворяется дверь... Онъ обѣщалъ не даться живымъ: онъ схватываетъ свое оружіе—соломеный тюфякъ,—закрываетъ лицо, голову и борется съ вооруженными людьми. Глухой шумъ врывается въ коридоръ, отдается эхомъ: въ истерикѣ бьются одни въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ, другіе ломаютъ двери, выбиваютъ форточки, и изъ камеръ, сквозь двери и форточки, несутся крики:—убійцы... убійцы"...

Потомъ пригвворенныхъ стали брать на казнь днемъ, какъ будто бы на свиданье. Сергѣевъ изображаетъ муки одного „смертника" Сизова, котораго, подъ предлогомъ свиданья съ матерью, вывели на мѣсто казни.

„Здоровый, высокій Сизовъ предупредилъ надзирателей, что живымъ онъ имъ въ руки не дастся. Онъ просидѣлъ полтора года до суда, послѣ приговора—четыре мѣсяца. У него была мать, и этотъ человѣкъ, съ большимъ разбойничьимъ прошлымъ, ждалъ ее на свиданье.—Сизовъ, на свиданье пришла мать: хочешь?—проговорилъ надзиратель съ ключами.—Мать?.. Веди!.. Онъ пошелъ: впереди не было надзирателя, шелъ только позади одинъ, побрякивая ключами. Сизовъ поднялся на крыльцо, отворилъ дверь... Тамъ блеснули штыки. Онъ оттолкнулъ надзирателя и побѣжалъ. Онъ перескакивалъ черезъ кусты, бревна, мялъ цвѣты, съ ужасомъ въ глазахъ, придерживая грудь лѣвой рукой, бѣгалъ по двору, бросался къ стѣнѣ, къ корпусу, сшибалъ съ ногъ надзирателя, перепрыгивалъ черезъ него, бѣгалъ отъ одной стѣны къ другой. Онъ не видѣлъ ни камней, ни кирпичей, ни валявшагося надзирателя,—онъ бѣгалъ и бѣгалъ, съ ужасомъ въ глазахъ, придерживая грудь лѣвой рукой"...

Когда мы читаемъ въ художественномъ произведенiи, что обреченный на казнь обнаружилъ мужественное самообладанiе, мы думаемъ: „Сила воли изумительная. Эта сила пропала навсегда. Не будь казней, она нашла бы себѣ примѣненiе въ жизни на пользу и благо человѣчества“. А когда мы читаемъ изображенiе муки и ужаса передъ казнью, мы невольно вспоминаемъ слова великаго сердцевѣдца Достоевскаго: „нѣтъ, съ человѣкомъ нельзя такъ поступать“.

Что чувствуютъ участники казней.

Вторая тема, разработанная современной художественной литературой: что чувствуютъ тѣ, которые являются вольными или невольными участниками въ совершенiи казни: начальники, предающiе суду; судьи, постановляющiе смертный приговоръ; чины прокурорскаго надзора, чины тюремной администрацiи; офицеры, солдаты, врачи, священники, обязанные присутствовать при совершенiи казни; палачъ, совершающiй казнь?

Въ разсказѣ „Смертная казнь“ Семенова генералъ-губернаторъ предписываетъ семерыхъ приговорить къ смерти. И онъ увѣренъ, что поступаетъ хорошо, что этимъ способомъ онъ выводитъ кромолу, поддерживаетъ цѣлость имперiи передъ царемъ и отечествомъ. Съ своей стороны предсѣдатель суда ясно доказываетъ судьямъ, что „пятерыхъ нужно“. И когда „пришлось пятерыхъ“,—то послѣ этого на обѣдѣ, устроенномъ офицерами, предсѣдаталь „хохоталъ и былъ доволенъ“.

Въ разсказѣ Ашешова выводится докторъ, который равнодушно относится къ смертнымъ казнямъ, какъ къ дѣлу привычному, выводится палачъ и жандармскiй ротмистръ, для которыхъ смертная казнь—спортъ своего рода.

„Врачъ, вышедшiй изъ коридора тюрьмы, спокойно стоялъ во дворѣ съ часами въ рукахъ и спокойно слѣдилъ за минутной и секундной стрѣлкой, недовольный лишь тѣмъ, что они движутся, будто бы нарочно медленно. Онъ уже забылъ науку, но сегодня онъ читалъ въ либеральной газетѣ статью профессора, утверждавшаго, что повѣшенные умираютъ не черезъ четверть часа, а долго спустя, уже подъ землей, въ могилахъ, гдѣ опять тоже корчатся и извиваются, какъ на эшафотѣ, задыхаясь и кусая

землю. Онъ это читалъ утромъ, а ночью стоялъ спокойно во дворѣ съ часами въ рукахъ и сердился только на время, протекавшее тягуче и лѣниво, и облегченно вздохнулъ, когда прошли закономъ установленныя пятнадцать минутъ".

Палачъ привыкъ къ своему дѣлу. Онъ уже 80 человѣкъ повѣсилъ. Онъ хохочетъ, издѣвается надъ приговоренными и пьетъ водку до и послѣ „дѣла".

Ротмистръ весело и быстро говорилъ, обращаясь къ офицерамъ, которые впервые присутствовали при казни: „Эти что, птенцы: зеркальную фабрику хотѣли ограбить. А вотъ мы орла недавно поймали—Матурина! Вотъ это птица милліонная! И палача на него не нашлось; сегодняшній въ отъѣздѣ былъ, гастролировалъ: Селянникову вѣшалъ. На его мѣсто изъ союза активной борьбы съ революціей нашелся. Собственноручно повѣсилъ, а когда ему полтораста цѣлковыхъ отсыпали, бросилъ ихъ; говоритъ: вѣшаю за совѣсть. И ротмистръ расхохотался".

Выводятся въ художественной литературѣ и другіе участники казней: они испытываютъ муки, ибо понимаютъ или чувствуютъ, что то, что они дѣлаютъ,—нѣчто ужасное, позорное, постыдное, недостойное человѣка, противное природѣ человѣческой.

Въ разсказѣ Хинъ изображается душевное состояніе предсѣдателя суда, вынесшаго смертный приговоръ. Онъ говоритъ; „долгъ, присяга обязываютъ насъ ставить висѣлицы"... Но совѣсть не успокаивается этой ссылкой на долгъ и присягу. Онъ остается одинъ. Мысли о приговоренномъ, о приговорѣ, о подробностяхъ судебнаго слѣдствія, закончившагося этимъ приговоромъ, не покидаютъ его. Онъ заснулъ и увидѣлъ страшный сонъ: Пришла женщина чужая, бѣлая, холодная и безъ глазъ. Неумолимымъ, жгучимъ, какъ ледяная струя, шопотомъ она шептала: „ты сдѣлаешь это самъ... Ты самъ ему сказалъ, что онъ долженъ умереть... Ты самъ своими руками затянешь на его шеѣ веревку... Палачъ—ты"...

Предсѣдатѣль суда ужасается при мысли о томъ, что онъ—палачъ. Ибо ремесло палача—позорное постыдное.

Мишка Цыганокъ въ „Разсказѣ о семи повѣшенныхъ" Андреева былъ профессіональнымъ разбойникомъ. „Послѣднимъ преступленіемъ его, установленнымъ точно, было убійство трехъ человѣкъ и вооруженное ограбленіе; а дальше уходило въ зага-

дочную глубину его темное прошлое. Были смутные намеки на участіе его въ цѣломъ рядѣ другихъ грабежей и убійствъ, чувствовались позади его кровь и огонь, и темный пьяный разгулъ". И вотъ такому человѣку, „душегубу", какъ онъ самъ себя называлъ, тюремная администрація предложила стать палачомъ. По своему обыкновенію, Цыганокъ принялся вышучивать надзирателя, явившагося съ этимъ предложеніемъ. И когда тотъ настойчиво потребовалъ сказать толкомъ, согласенъ или нѣтъ? Цыганокъ оскалился и отвѣтилъ: „Какой скорый! Еще разъ прійди, тогда скажу". Надзиратель заходилъ еще два раза, а Цыганокъ, оскаливъ зубы, говорилъ: „какой скорый; еще разъ зайди". Такъ Цыганокъ и не сдѣлался палачомъ.

Въ разсказѣ Свирскаго „Звѣрь" арестанты каторжной тюрьмы напали на палача, ранили его самодѣльнымъ ножемъ въ бокъ и избили до полусмерти.

Ремесло палача—позорное. Даже каторжники съ ненавистью и презрѣніемъ относятся къ палачу. Даже разбойникъ по профессіи не рѣшается стать палачомъ. Понятно, что предсѣдатель суда не допускаетъ и мысли, что онъ въ состояніи взяться за такое позорное дѣло. Видитъ лишь во снѣ, что онъ—палачъ. И это наводитъ ужасъ. А что если бы судьи и всѣ тѣ, которые, имѣютъ то или иное, близкое или далекое отношеніе къ смертному приговору, вынуждены были бы быть въ дѣйствительности палачами? Что тогда? Тогда не было бы смертной казни, ибо нельзя предположить, что всѣ люди—злодѣи. Такъ думаетъ Арцыбашевъ. Въ его разсказѣ старый прокуроръ говоритъ:

„Это трудно разсказать такъ, какъ чувствуется, и, можетъ быть, именно поэтому все еще не могутъ понять во всемъ ужасѣ, что такое смертная казнь. Всего злодѣйства этого утонченнаго, медлительнаго, прежде, чѣмъ тѣло, убивающаго по частямъ всю душу, хладнокровнаго убійства никто представить себѣ не можетъ!.. Даже участники этой драмы не могутъ почувствовать въ себѣ злодѣевъ... Вѣдь это что... одни ловятъ убійцу, другіе стерегутъ, чтобы онъ не убѣжалъ, третьи судятъ и приговариваютъ, какой нибудь генералъ конфирмуетъ приговоръ, а убиваетъ, вѣшаетъ палачъ!.. И на этого палача, какого нибудь кретина, полуживотное, свалена весь ужасъ злодѣйства!.. И я думаю, что еслибы не было этой передачи злодѣйства по частямъ, изъ рукъ въ руки,

если бы конфирмующій генералъ самъ долженъ былъ бы и веревку затянуть, судьи сами бы саванъ натягивали, а законодатели собственными руками держали бы отбивающагося отъ смерти человѣка, то никакой смертной казни и вовсе не было бы!.. Иначе это значило бы, что весь міръ наполненъ злодѣями, а это что же"?!...

Конечно, палачи стоятъ ближе всего къ смертнымъ казнямъ, и весь ужасъ казней прежде всего падаетъ на нихъ. Наша художественная литература указываетъ, что даже теперешній палачъ, „какой нибудь кретинъ, полуживотное“, по опредѣленію Арцыбашева, не можетъ не чувствовать этого ужаса.

Выше приведено было свидѣтельство Л. Н. Толстого (изъ разсказа „Божеское и человѣческое“) о томъ вліяніи, какое смертная казнь оказываетъ на палача. Приведены были аналогичные взгляды и другихъ писателей.

О томъ же вліяніи говоритъ Пришвинъ въ разсказѣ „Палачъ“.

Приговоренный къ смертной казни экспропріаторъ Карасевъ согласился быть палачомъ. Ожиданіе „развязки“ было мучительнымъ. По ночамъ онъ страдалъ безсонницей. „Если удавалось достать къ ночи водки, онъ напивался до потери сознанія, и тогда въ сосѣднихъ камерахъ всю ночь напролетъ слышались глухіе рыданія и стоны, прерываемые дикимъ хохотомъ, отъ котораго пробѣгалъ морозъ по кожѣ даже у привыкшихъ ко всему закаленныхъ людей“. Передъ казнью онъ повѣсился на веревкѣ, которую тщательно берегъ на всякій случай.

Очевидно, и „какой нибудь кретинъ, полуживотное“ сохраняетъ гдѣ то въ глубинѣ души проблески человѣческихъ чувствъ. О проблескахъ человѣческихъ чувствъ въ душѣ палача говоритъ Свирскій въ разсказѣ „Звѣрь“.

Палачъ Кандыба—человѣкъ сильный, смѣлый и жестокій. О немъ разсказывались чудовищныя легенды. Разсказывали, что онъ многихъ засѣкалъ на смерть, что однажды въ бѣгахъ, заблудившись въ тайгѣ, убилъ товарища и 7 дней питался его трупомъ. Въ тюрьмѣ онъ вызвалъ всеобщее озлобленіе противъ себя. Каторжники искали лишь случая, чтобы убить его. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова—звѣрь.

Но вотъ въ одной камерѣ съ нимъ помѣщаютъ ссыльно-каторжнаго мужичка-сѣрячка. Мужичекъ взялъ съ собой на каторгу

сына, ребенка 4 лѣтъ. Между невиннымъ ребенкомъ и „звѣремъ" завязывается дружба. Они вмѣстѣ ѣдятъ бѣлый хлѣбъ, купленный палачомъ. Ребенокъ осыпаетъ палача вопросами, на которые тотъ отвѣчаетъ. Ребенокъ треплетъ бороду палача. Палачъ на свои деньги покупаетъ леденцы и угощаетъ ими ребенкъ Онъ бѣгаетъ по двору, держа на шеѣ у себя ребенка. Человѣческое чувство проснулосъ въ звѣрѣ.

А если такъ, если въ звѣрѣ просыпается человѣкъ, то ничего страннаго нѣтъ въ томъ, что и палачи, теперешніе палачи, чувствуютъ ужасъ смертной кани. Но нужно ли быть непремѣнно палачомъ, чтобы чувствовать этотъ ужасъ? Самъ Арцыбашевъ отвѣчаетъ: нѣтъ. Тотъ Арцыбашевъ, по мнѣнію котораго смертная казнь прекратилась бы, если бы участники ея вынуждены были сдѣлаться палачами.

Онъ останавливается на душевномъ состояніи товарища прокурора, который былъ только невольнымъ свидѣтелемъ казни, а не палачомъ.

Убійца приговоренъ къ смертной казни. Это былъ „сущій звѣрь, готовый за копѣйку, для удовлетворенія малѣйшаго инстинкта на всякое злодѣйство, на всякую грязь, на все. Онъ вызывалъ озлобленіе и отвращеніе къ себѣ. Когда говорили о немъ въ обществѣ, то товарищъ прокурора „съ какимъ то сладострастіемъ повторялъ: „такъ ему подлецу и надо! Я бы его четвертовалъ, а не то, что повѣсилъ". Но вотъ этого самого товарища прокурора назначаютъ присутствовать при совершеніи казни того самого убійцы. Отвлеченныя разсужденія смѣняются реальной дѣйствительностью. Человѣкъ, съ легкимъ сердцемъ говорившій о смертной казни, долженъ принять участіе въ ея совершеніи. Его образъ мыслей совершенно измѣняется. „Когда я узналъ, что именно мнѣ придется присутствовать при его казни, я прямо обомлѣлъ и дня три ходилъ какъ придавленный! Сразу забылъ, кто, что и почему, и увидѣлъ только одно, что это ужасъ, что это убійство и я буду принимать въ этомъ убійствѣ участіе". На мѣстѣ казни съ товарищемъ прокурора сдѣлался истерическій припадокъ, послѣ котораго онъ „два мѣсяца пробылъ въ больницѣ, а когда поправился, немедленно подалъ въ отставку".

Въ разсказѣ Анучина тоже страдаетъ молодой товарищъ прокурора, по необходимости присутствующій при совершеніи казни.

Въ разсказѣ Семенова страдаютъ—начальникъ тюрьмы, солдатъ, священникъ, прокуроръ.

Начальникъ тюрьмы думаетъ ,,о своей проклятой службѣ. И когда же это, наконецъ, кончится?... Вѣдь тутъ можно съума сойти совсѣмъ. Каждый день все казни, казни"!...

Одинъ солдатъ ,,нервный, съ чернымъ пушкомъ на губахъ, волновался и старался не глядѣть на осужденныхъ... Это странное ощущеніе, что вотъ онъ, здоровый, живой тутъ, а эти другіе люди—этотъ длинный арестантъ, небритый и некрасиво обросшій, съ глубокими сѣрыми глазами и, должно быть, баринъ, черезъ минуту не будетъ такимъ, какіе они всѣ—бросало въ ознобъ, что то переворачивало въ груди, заставляло усиленно биться сердце,—и онъ тогда блѣднѣлъ...

,,Священникъ за все время, пока въ канцеляріи совершались послѣднія формальности, страшно волновался и шагалъ въ небольшой комнаткѣ рядомъ съ канцеляріей, въ кабинетѣ начальника. Ему казалось, что все это звѣрство, и что можно бы было этого какъ нибудь избѣжать, ну, по христіански, простить ихъ, что ли"...

,,Прокуроръ нервничалъ и старался какъ нибудь не замѣтить того, что должно быть... И онъ нѣсколько разъ перекладывалъ изъ кармана въ карманъ приговоръ, который долженъ будетъ имъ прочесть, стараясь собрать всю свою силу, чтобы не волноваться".

Страдаютъ—поручикъ, помощникъ начальника тюрьмы, товарищъ прокурора и солдаты въ разсказѣ Г. Н. Брейтмана ,,Преступленіе".

„Въ душѣ каждый понималъ, что онъ уже однимъ своимъ присутствіемъ является безспорнымъ, активнымъ участникомъ убійства".

Поручикъ, по долгу службы обязанный присутствовать при совершеніи казни, не въ состояніи былъ владѣть собой, переносить эти страданія. Всю ночь передъ казнью онъ мечется изъ угла уголъ по караульной тюрьмы въ ожиданіи роковой минуты. Роковая минута наступила. Когда палачъ уже подошелъ къ приговоренному съ мѣшкомъ, поручикъ перестаетъ собой владѣть: отдается внезапному порыву, властнымъ крикомъ останавливаетъ

палача, сильнымъ толчкомъ опрокидываетъ его на черный ящикъ и шашкой разрѣзаетъ веревку.*)

Короленко, пользуясь воспоминаніями г. Черенкова („Истор. Вѣстникъ", апрѣль, 1909 г.) о казни 5 солдатъ дисциплинарнаго батальона, имѣвшей мѣсто въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, такъ изображаетъ душевное состояніе участниковъ этой казни: „священникъ дрожитъ, прокуроръ закрываетъ лицо бумагой, въ „страшномъ крикѣ" командующаго чувствуется содроганіе человѣческаго сердца, докторъ подходитъ къ столбамъ весь въ слезахъ. Надъ всѣмъ витаетъ сознаніе торжественности, живое ощущеніе ужаса и отвѣтственности".

Въ „Разсказѣ о семи повѣшенныхъ" Андреева солдатъ не могъ вынести зрѣлища казни. „Онъ какъ то покачнулся и разжалъ руки, выпустивъ ружье. Но не наклонился, чтобы поднять его, а постоялъ мгновеніе неподвижно, повернулся круто и, какъ слѣпой, зашагалъ въ лѣсъ по цѣльному снѣгу.—Куда ты?—испуганно шепнулъ другой. Стой! Но тотъ все также молча и трудно лѣзъ по глубокому снѣгу; должно быть наткнулся на что нибудь, взмахнулъ руками и упалъ лицомъ внизъ. Такъ и остался лежать".

Въ „Послѣднихъ Могиканахъ" Ашешова тоже описывается душевное состояніе невольныхъ участниковъ казни—солдатъ, офицера, сторожа, священника.

„Солдаты стояли тупо, съ затуманеннымъ сознаніемъ, охваченные жутью, которая росла и ширилась, выростала въ мохнатаго диковиннаго звѣря со скользкими, цѣпкими щупальцами, захватывавшими холоднымъ тугимъ кольцомъ сердце и вливавшимися въ въ горло.

Офицеръ былъ молодой и здоровый. „Онъ никогда ничего не боялся, но сейчасъ вмѣстѣ съ безсильными, неяркими и жалкими мыслями, по клѣткамъ мозга прыгалъ и суевѣрный страхъ, и съеживалось сердце, и отъ страха въ него вползали робкія змѣи многихъ сомнѣній, а потомъ и одного какого то неяснаго еще, но большого сомнѣнія, прогнать которое ему вдругъ захотѣлось крикомъ: уйдемъ отсюда!"

*) Разсказъ напечатанъ въ газетѣ „Послѣднія Новости", въ № 51 отъ 25 апр. 1907 г. Разсказа этого я не читалъ, ибо не могъ достать газеты „П. Н." въ Томскѣ. Знаю о немъ изъ статьи А. Д. Марголина „Въ полосѣ ликвидаціи", помѣщенной въ газетѣ „Кiев. Вѣсти", № 84, отъ 25 марта 1910 г.

Сторожъ при воротахъ тюремныхъ говоритъ офицеру: „Мочи нѣтъ, молитва не помогаетъ. Если бы не солдаты, убегъ бы— страшно. Вѣдь человѣковъ убиваютъ тута, ваше благородіе. Степка (палачъ) завсегда пьяный, человѣковъ удавливаетъ. Страшно тута, ваше благородіе".

„Священникъ входилъ нѣсколько робко и смущенно, опустивъ голову. Онъ путался въ рясѣ и поддерживалъ ее сбоку по женски, еще болѣе конфузясь отъ этого".

Ашешовъ не только разсказываетъ о томъ, что участники казни (не всѣ, нѣкоторые) чувствовали ужасъ ея. Онъ выясняетъ психологическія основанія этого чувства

Изъ тюрьмы раздался нечеловѣческій вопль юноши, приговореннаго къ смертной казни. Вопль этотъ тяжелымъ камнемъ ударилъ по головамъ собравшихся въ черную ночь у бѣлой висѣлицы, чтобы быть участниками казни. „Неестественный протяжный вопль насытилъ воздухъ, и острая тревога - разлилась повсюду, точно вмѣстѣ съ воплемъ сверху упали жестокіе, громоздкіе кошмары и навалились на грудь. Вопль пронизывалъ воздухъ, и все трепетало отъ этого огненнаго взрыва тосковавшей о жизни и о матери души юноши, и во всѣхъ изъ подъ кошмара просыпался человѣкъ, и у всѣхъ начинали дрожать въ душѣ человѣческія ноты, смутныя, скорбныя, жалостно-унылыя. На верху бился въ безысходной печали юноша, тосковавшій о жизни и о матери,— и внизу люди начинали чувствовать въ себѣ человѣка".

Что чувствуютъ случайные свидѣтели казни?

Третья тема: что чувствуютъ тѣ, которые являются случайными свидѣтелями казни?

Короленко приводитъ письмо тюремнаго сидѣльца, который былъ заключенъ въ одной тюрьмѣ со „смертниками" и былъ невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ вели на казнь. Авторъ письма разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое производила на него и другихъ заключенныхъ смертная казнь. Онъ пишетъ: „Я спалъ очень крѣпко. Но при первыхъ крикахъ, несущихся откуда то издалека, я проснулся и, еще не сознавая отчетливо, что значатъ эти крики, какъ то сразу понялъ, что опять началось то ужасное, что тяжелымъ кошмаромъ висѣло надъ нами уже нѣсколько ночей.

Каждый вечеръ мы ожидали наступленія этого ужаснаго и, когда оно началось, то всѣмъ намъ показалось невѣроятнымъ, что безумное дѣло готово свершиться у всѣхъ передъ глазами. Но крики, ужасные рыдающіе крики неслись въ звонкой тишинѣ, и у меня вдругъ появилась сумасшедшая увѣренность, что кричали они, уже сгибшіе въ прошлый разъ, что каждую ночь будутъ проходить они по гулкому коридору, приходить и кричать намъ и всѣмъ тѣмъ, кто спитъ спокойно тамъ, въ холодномъ равнодушномъ городѣ, за тюремными стѣнами, о наступившемъ ужасѣ.“

О впечатлѣніяхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, заключенныхъ вмѣстѣ со „смертниками“, говоритъ и Сергѣевъ.

Вотъ одинъ изъ этихъ смертниковъ—Орефій. „Мы (т. е. товарищи по тюрьмѣ) видѣли его. Возвращаясь изъ бани, мы пересѣкали круглый дворикъ для прогулокъ, и здѣсь, подъ горячимъ солнцемъ, по каменистому мертвому дворику, дѣлая большіе шаги, ходилъ Орефій. Молодой, совсѣмъ юноша, худой, съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, ходилъ онъ кругомъ, кругомъ... Скрестивъ на груди руки, смотря вверхъ, ходилъ онъ быстро: длинные непричесанные волосы безпорядочно падали съ головы на щеки и лобъ, грязная арестантская холстинная одежда болталась на немъ, стучали о камень двора арестантскіе коты... Хотѣлось что нибудь дать, что нибудь сказать ему,—и нѣмѣла рука, нѣмѣлъ языкъ передъ живымъ человѣкомъ, котораго, быть можетъ, сегодня ночью, завтра, на дняхъ, одѣнутъ въ холщевый мѣшокъ, и на тонкую, худую, юную шею накинутъ веревку“...

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ разсказываетъ о томъ, какъ провожали „смертника“ товарищи по заключенію:

„Въ тихомъ узкомъ переулкѣ гремѣли колеса кареты, слышался топотъ; за приговореннымъ пріѣхала карета. Приговоренныхъ было много; если ихъ выводили на свиданье въ четвергъ и субботу, значитъ ихъ выводили на казнь. Долго не спитъ тюрьма, караулитъ; стемнѣетъ кругомъ, высоко мерцаютъ звѣзды, ярко горятъ лампы въ окнахъ тюрьмы—и когда въ узкомъ переулкѣ раздадутся топотъ и шумъ, къ окнамъ подбѣгаютъ заключенные, распахиваютъ рамы. Часто, въ ночной тишинѣ, къ высокому, далекому небу, въ насторожившейся тюрьмѣ, несутся тихіе, задавленные звуки:—Прощайте, товарищи.“

Въ разсказѣ Яблочкова „Товарищъ Полежаевъ“ изображено душевное состояніе тюремнаго сидѣльца—въ то время, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что одинъ изъ заключенныхъ приговоренъ къ смертной казни. Разсказъ ведется отъ лица этого сидѣльца. Онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ мукъ, какія испытывалъ приговоренный, и самъ мучился: „Мнѣ дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе. Какъ каменная плита налегала на сердце невыносимая тоска, и жизнь казалась колодцемъ, со дна котораго нѣтъ выхода.“

Вопроса о душевномъ состояніи случайныхъ свидѣтелей казни (не тюремныхъ сидѣльцевъ), касается Будищевъ въ разсказѣ „Нервы;“ подробно останавливается на этомъ вопросѣ Анучинъ въ „Казни Якова Стеблянскаго.“

Разсказъ Будищева.

Дочь тюремнаго смотрителя Нюточка, шестнадцати-лѣтняя дѣвушка узнала, что на разсвѣтѣ будутъ казнить. Она забралась на чердакъ, откуда видно было мѣсто казни. Она глядитъ черезъ слуховое окно и видитъ все и всѣхъ: висѣлицу, ящикъ, похожій на гробъ, людей въ формѣ, солдатъ, палача, отца, священника, осужденную. Она думаетъ: „это вздоръ; этого не бываетъ, не можетъ быть.“ Но это совершилось на ея глазахъ. Нюточка дико взвизгиваетъ нечеловѣческимъ голосомъ. Слышитъ свой крикъ, не узнаетъ его, снова кричитъ, все усиливая голосъ, и уже не въ силахъ удержаться. На крикъ сбѣгаются домашніе, переносятъ Нюточку въ постель; но и въ постели она кричитъ все такъ же, не уставая и не сбавляя голоса.“

Разсказъ Анучина.

Приговоренный къ смерти Яковъ Стеблянскій принадлежалъ „къ той категоріи преступниковъ, которымъ, что называется, море по колѣни. Изъ мести и ненависти ему непремѣнно хотѣлось убивать.“ Въ тюрьмѣ онъ кинулся одинъ разъ на своего товарища, желѣзиной ударилъ конвойнаго солдата по головѣ, пустилъ табуретомъ въ надзирателя. „Со всѣми его окружавшими онъ разговаривалъ не иначе, какъ самыми отвратительными ругательствами!.. Въ немъ бушевалъ дикій звѣрь, котораго онъ воспиталъ въ себѣ преступной жизнью и пьянствомъ... И этотъ звѣрь заслонялъ собою человѣка... Преступленіе, за которое онъ

былъ осужденъ и долженъ былъ теперь въ видѣ наказанія получить смерть, было наивысшимъ проявленіемъ звѣрства. Изъ жадности и себялюбія, чисто животнаго себялюбія, перебита была цѣлая семья, а найдены пустяки, вмѣсто ожидаемаго. И что самое главное: никакого сознанія въ содѣянномъ злѣ, ни тѣни раскаянія, а лишь тупое, злобное упрямство: что молъ—будетъ, то и будетъ—все равно!"

Какія чувства можетъ возбуждать къ себѣ такое чудовище? Конечно, не чувства симпатіи. Но вотъ приговоръ произнесенъ: смертная казнь. И начинается поворотъ въ отношеніи къ приговоренному. Когда, сопровождаемый конвоемъ, шелъ Стеблянскій къ мѣсту казни, то „отъ его шаговъ раздавалось, раздражая слухъ, дробящееся позвякиванье размѣренно стряхиваемыхъ, какъ связка ключей, и путающихся на ходу кандальныхъ цѣпей, ударяя тревогой по сердцу, наполняя его сострадательной жалостью и поднимая негодованіе противъ кого то: грубаго, безчеловѣчнаго мучителя. Не было разбойника Стеблянскаго, звѣря-человѣка, надѣлавшаго такихъ ужасовъ, описанныхъ въ обвинительномъ актѣ, разсказанныхъ... на судѣ, устрашавшаго своей готовностью еще убивать кого придется, и тюремную стражу, и караулъ, и начальство. Гдѣ онъ, этотъ звѣрь-человѣкъ? Былъ закованный плѣнникъ, котораго вели на приготовленное мѣсто, чтобы умертвить."

Не было уже звѣря. Былъ человѣкъ, безсильный, жалкій, пойманный и закованный плѣнникъ. И этотъ человѣкъ неминуемо долженъ быть убитъ. Зачѣмъ? Для чего? То, что онъ сдѣлалъ, ужасно. Но еще ужаснѣе то, что другіе люди сознательно и спокойно съ нимъ сдѣлали.

Вѣдь и онъ—человѣкъ, онъ невидимою нитью связанъ съ милліонами другихъ человѣческихъ существъ. Ибо люди—братья. Ибо великій принципъ братства людей не пустой звукъ. Пусть это идеалъ. Пусть полное осуществленіе его отдалено отъ насъ въ глубь далекаго будущаго. Но мы видимъ мерцающій вдали свѣтъ, идемъ на этотъ свѣтъ. Потушите его; тьма и мракъ воцарится вокругъ насъ.

До какого бы разгула ни достигли вражда и злоба, неправда и эгоизмъ,—все таки и для тѣхъ, кто очутился на крайней ступени между униженными и обиженными, есть хоть слабая на-

дежда, если не на справедливость и любовь, то на сочувствіе и сожалѣніе. Нѣтъ такой надежды у приговореннаго къ смертной казни. Свѣтъ потухъ для него. Вокругъ тьма и мракъ. Онъ отрѣзалъ отъ людей, у него нѣтъ братьевъ. Цѣпь родства и солидарности порвалась. Онъ совершенно одинокъ. И это уже тогда, когда приговоръ произнесенъ, хотя еще и не приведенъ въ исполненіе. Вотъ за минуту до казни стоитъ Яковъ Стеблянскій передъ висѣлицей въ ожиданіи кузнеца, который долженъ расковать казнимаго. Онъ заговариваетъ. Но за его словами слѣдуютъ паузы томительнаго молчанія. Онъ уже не человѣкъ. Не знаютъ, что ему отвѣтить и нужно ли ему отвѣчать. „Онъ былъ одинъ, а всѣ противъ него, и всѣ его, конечно, боялись, такъ много было кругомъ мѣръ предосторожности, начиная съ того, что близко къ нему не подходили и съ нимъ не говорили. Онъ былъ одинъ, а всѣ были противъ него; онъ былъ одинокъ, выдерживая при этомъ натискъ молчанія и враждебности.“

Достоевскій говорилъ о той мукѣ, которую испытывалъ осужденный на казнь отъ сознанія, что смерть неизбѣжна. Анучинъ прибавляетъ новую черту: онъ говоритъ, что муку испытываетъ осужденный и отъ сознанія своего одиночества, оторванности отъ людей. И не только осужденный, всѣ свидѣтели казни должны испытывать муки и страданія, ибо всѣ должны понимать, что то, что происходитъ на ихъ глазахъ, есть нарушеніе вѣчныхъ законовъ жизни. Авторъ, свидѣтель казни Якова Стеблянскаго, испытывалъ муки, страданія.

„Видѣть все это, говоритъ онъ, было такъ невыразимо тяжело, отвратительно, и не столько страшно, сколько жалко, что я почувствовалъ разслабленіе и потомъ упадокъ силъ.... „О, Боже мой, какъ все дико, ужасно дико, и безсмысленно все, что творилось и особенно конецъ,“ думалъ я. И, дѣйствительно, мнѣ приходилось по роду моей службы видѣть ужасныя картины при вскрытіяхъ труповъ, иногда вырываемыхъ изъ могилъ, уже гніющихъ, при освидѣтельствованіи тяжело раненныхъ, умирающихъ, и все это были разрывающія душу сцены, но ужаснѣе того, чему свидѣтелемъ я былъ теперь, мнѣ не приходилось видѣть въ жизни. Дѣйствительность превзошла воображеніе... И до того стало тяжело на душѣ отъ дикости всего, что произошло, особенно тяжело тѣмъ, что уже не воротить сдѣланнаго, что захотѣлось от-

рѣшиться отъ земли и ея грѣховныхъ продѣлокъ, неразумія, жестокаго эгоизма и не быть человѣкомъ, если удѣлъ его — мириться со зломъ.“ А участвовать въ совершеніи казни, даже присутствовать при ея совершеніи, или только знать, что казни совершаются, читать объ этомъ, жить въ томъ обществѣ, гдѣ существуютъ, допускаются смертныя казни, это значитъ мириться со зломъ, съ ужаснѣйшимъ зломъ. Не нужно мириться. Или — лучше отрѣшиться отъ земли, перестать быть человѣкомъ.

Какое вліяніе смертная казнь оказываетъ на общество?

Четвертая тема: какое вліяніе оказываетъ смертная казнь на общество? Что чувствуютъ тѣ, которымъ суждено жить въ эпоху массовыхъ казней?

Чириковъ въ разсказѣ „На порогѣ жизни“ и Соллогубъ въ разсказѣ „Старый домъ“ говорятъ о мукѣ тѣхъ, которые связаны узами родства съ казненными.

Разсказъ Чирикова.

Пришли чужіе люди, перерыли всѣ вещи въ квартирѣ и увели брата Алешу, студента. На дворѣ говорили, что Алешу казнить будутъ. Потомъ мама куда то уѣхала; вернулась, не выходила изъ своей комнаты, заболѣла и умерла... Вотъ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ 5-ти лѣтній мальчикъ Ваня. Этихъ событій Ваня не можетъ забыть. Они записаны незалѣчимыми ранами въ памяти и въ сердцѣ. Прошло 10 лѣтъ. Не закрылись раны сердца. Ванѣ 15 лѣтъ. Въ такомъ возрастѣ жизнь кажется прекрасной, не хочется оборачиваться назадъ, смотрѣть, что осталось позади. Но Ваня — угрюмый, задумчивый, рѣдко смѣется. Онъ не забудетъ никогда эти нѣсколько дней прожитой жизни.

Разсказъ Соллогуба.

Казнили мальчика Борю, пойманнаго при попыткѣ совершить террористическій актъ. Мать, сестра и бабушка знаютъ, что Боря казненъ, но не хотятъ вѣрить этому, не хотятъ примириться съ мыслью о возможности казни человѣка человѣкомъ; ждутъ, что Боря придетъ и испытываютъ великія муки, ибо онъ не приходитъ.

Другіе авторы изображаютъ душевное состояніе постороннихъ, чужихъ людей.

Казнимый—чужой человѣкъ для толпы, для общества. Но въ тайникахъ души человѣческой не умолкаетъ голосъ совѣсти, напоминающій о томъ, что казнимый братъ нашъ, что нельзя его выбрасывать изъ нашей среды, нельзя его казнить. Но казни совершаются. Анучинъ въ приведенномъ уже выше отрывкѣ изъ разсказа „Казнь Якова Стеблянскаго“ говоритъ: „Знать, что казни совершаются, читать объ этомъ, жить въ томъ обществѣ, гдѣ существуютъ, допускаются смертныя казни, это значитъ мириться со зломъ, съ ужаснѣйшимъ зломъ“. Сознаніе, что мы миримся съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя мириться, вызываетъ укоры совѣсти.

Свирскій въ разсказѣ „Чудо“ говоритъ о чувствѣ жалости и состраданія, которое мы испытываемъ отъ сознанія, что неотвратимое несчастіе постигло нашего брата—человѣка.

Въ маленькомъ городишкѣ, двѣ трети населенія котораго составляли евреи, совершена была экспропріація: въ мануфактурную лавочку одного еврея ворвались два неизвѣстныхъ человѣка, вооруженные браунингами, крикнули: „ни съ мѣста! руки вверхъ!“—подскочили къ кассѣ, забрали выручку—4 р. 27 к. и выбѣжали вонъ. Экспропріаторовъ нагнали и поймали. Это были еврейскіе мальчики, сыновья первыхъ богачей города. Ихъ предали военному суду, который постановилъ смертный приговоръ.

Приговоръ былъ неожиданностью для всѣхъ. Онъ поразилъ всѣхъ и сразу измѣнилъ отношеніе къ преступникамъ. Чувство злобы къ дерзкимъ мальчишкамъ, которые среди бѣлаго дня занимаются грабежомъ, замѣнилось чувствомъ состраданія къ людямъ, надъ которыми нависло тяжкое, неотвратимое несчастіе. Это несчастіе сдѣлалось общимъ горемъ всего еврейскаго населенія городка. Всѣ десять тысячъ евреевъ „стали жить, мыслить и чувствовать одинаково. Не можетъ быть, чтобы дѣтей еврейскаго народа повѣсили“,—твердили старики, дѣти, женщины и нищіе. Осужденные стали близки и дороги всему городу. И взволнованные евреи скорбью исполнили городъ и заставили волноваться христіанъ“. Мѣстный исправникъ, по донесенію котораго возникло дѣло, не ожидалъ такого исхода: „онъ былъ пораженъ не менѣе другихъ“. Дочь исправника „не могла успокоиться, не могла найти себѣ мѣста“. Смотритель тюрьмы „го-

ворилъ, что онъ этого не перенесетъ". „И всюду шли разговоры объ одномъ и томъ же, а съ евреями неловко было встрѣчаться, до того они были убиты и придавлены".

Укоры совѣсти, чувство жалости и состраданія—не единственный результатъ практики смертныхъ казней. Бываютъ другіе, противоположные результаты: къ смертнымъ казнямъ привыкаютъ.

По мнѣнію Короленка, на печати лежитъ священная обязанность—„напоминать о томъ, что ужасъ продолжается въ нашей жизни, чтобы не дать ему превратиться окончательно въ будничное, обыденное, бытовое явленіе, своего рода привычку, перестающую шевелить общественное сознаніе и совѣсть". Нѣкоторые писатели-художники констатируютъ, что въ обывательской средѣ смертныя казни уже сдѣлались „бытовымъ явленіемъ", что уже образовалась привычка къ смертнымъ казнямъ.

Привычка притупляетъ чувствительность. И то, что казалось ужаснымъ, постыднымъ, позорнымъ, становится обыденнымъ, нормальнымъ. Въ разсказѣ Ашешова встрѣчаемъ лирическое отступленіе на тему о тлетворности такой привычки къ смертнымъ казнямъ:

„Привычка!.. Это былъ второй палачъ въ этой клоакѣ жестокости. Притупившіеся нервы уже получили предохранительную привычку, и люди легко и весело поддавались ей. Легко и весело, потому что имъ хотѣлось этого, хотѣлось стереть у себя изъ совѣсти слѣды черныхъ минутъ, потому что эти слѣды, если бы ихъ не стерли, могли бы впиться въ совѣсть, всосаться въ нее. Люди весело и легко не хотѣли, тупымъ инстинктомъ не хотѣли, чтобы ихъ мучила совѣсть. Нарождалась уже привычка,—второй палачъ въ этой клоакѣ жестокости. Первый и самый острый страхъ прошелъ, и эшафотъ не казался нечистымъ капищемъ. Теперь уже было спокойнѣе. И если бы безпрерывная вереница казней открылась бы въ безпрерывной амфиладѣ эшафотовъ, то на послѣднихъ люди устроили бы пиръ и легко и весело плясали бы пьяно-свободный танецъ. Ибо на каждомъ эшафотѣ сидѣла бы уже привычка и, перелетая на слѣдующій, она жирнѣла бы и тучнѣла и, свѣтилась бы румяной радостью.

Смертныя казни начались здѣсь недавно, но уже сплелась здѣсь паутина привычки. И нити этой паутины разносились по воздуху и тонкія невидныя рѣяли надъ городомъ, проникали

всюду, какъ бактеріи, всюду сѣяли привычку. И тупѣвшій отъ ежедневныхъ разсказовъ о казняхъ сытый городъ тупѣлъ еще больше, и утро, приносившее ему вѣсти о новой крови, все меньше и меньше омрачалось Паукъ ткалъ свою паутину упорно. Онъ покрылъ душу города, какъ сажей—привычкою. И люди города ходили, пили, ѣли, дышали, а кровь на эшафотахъ лилась мимо, не брызгая на нихъ, и ихъ совѣсть дѣлалась все спокойнѣе. И люди жили весело и легко и не хотѣли, тупымъ инстинктомъ не хотѣли, чтобы ихъ тревожила совѣсть"...

О привычкѣ къ смертнымъ казнямъ рѣчь идетъ также въ разсказѣ Борецкаго „Изъ лѣтописи одного города".

Сначала, „когда стало извѣстно, что изъ далекаго южнаго города наѣдетъ военный судъ, и станутъ вѣшать, и въ тюрьму стали сгонять тѣхъ людей, которыхъ нужно вѣшать,—тюрьма встревожилась". Потомъ къ осужденнымъ на казнь привыкли, казнь „вошла въ обиходъ дня, въ распорядокъ жизни" тюремной.

„Почти то же и такъ же произошло и въ самомъ городкѣ... Тамъ, когда впервые пріѣхалъ военный судъ, и стало извѣстно, что троимъ вынесенъ смертный приговоръ черезъ повѣшеніе,—нервные люди прямо затосковали. И не только нервные люди изъ молодежи. Нашлись и старики, которые искренно огорчены были, открыто возмущались... Въ ту ночь, когда впервые разнеслась молва, что будутъ вѣшать троихъ,—во многихъ домахъ была тревога. Не спали до свѣта. Ожидали чего то ужаснаго, что должно было совершиться". Потомъ... къ смертнымъ казнямъ привыкли, а военныхъ судей, постановлявшихъ смертные приговоры, мѣстное общество приняло въ свои ряды, и они оказались очень милыми людьми. „Такъ, совсѣмъ незамѣтно какъ то огромный сначала ужасъ обмельчалъ въ будняхъ жизни, въ каждодневныхъ заботахъ дня, разсосался, какъ разсасывается гной въ живомъ тѣлѣ. И вышло даже такъ, что за-просто какъ то, совсѣмъ по домашнему, смертная казнь устроилась въ городкѣ тутъ же рядомъ съ весельемъ, смѣхомъ, танцами и музыкой, подъ одной крышой съ хорошимъ рестораномъ: наѣзжавшій военный судъ помѣщался въ офицерскомъ собраніи,—тамъ же, гдѣ устраивались каждую недѣлю два раза танцовальные вечера, на которыхъ блистали самыя интересныя красивыя женщины въ городѣ,

гдѣ студентовъ танцовало больше, чѣмъ офицеровъ, и куда собирались, записавшись членами, всѣ штатскіе, любившіе вкусно и недорого поѣсть. И бывало такъ: одни студенты здѣсь пляшутъ до зари, а всего черезъ нѣсколько часовъ тутъ же, этажемъ выше, другихъ студентовъ приговариваютъ къ повѣшенію. И ничего... А смертные приговоры выносили въ комнатѣ, гдѣ сквозь стекла книжныхъ шкаповъ виднѣлись—Толстой и Тургеневъ, „Русская Мысль", „Вѣстникъ Европы": судъ происходилъ въ библіотечной офицерскаго собранія. Такъ, мягко, незамѣтно, подъ звонъ рюмокъ, среди танцевъ, вмѣстѣ со звуками музыки, такая совсѣмъ нестрашная, смертная казнь вошла въ жизнь городка, слилась съ нею и въ ней растворилась".

Наконецъ, о привычкѣ къ смертнымъ казнямъ говорится въ разсказѣ Мурина „Стыдъ потерянъ".

Пріятель автора разсказываетъ о томъ, что было давно. Мальчикомъ-гимназистомъ онъ былъ очевидцемъ смертной казни. Что онъ чувствовалъ? „Ужасъ и стыдъ! Безпримѣрный, невыразимый, стыдъ,—такой стыдъ, отъ котораго ноги подкашивались, охватилъ все существо". Онъ чувствовалъ, что его всего омыли позоромъ, ибо онъ тамъ былъ, смотрѣлъ, сдѣлался участникомъ, преступникомъ, самъ звѣремъ сталъ. Тоска, ужасная тоска о прежнемъ времени, о прежней чистотѣ положительно давила его".

Такъ было раньше, когда казни были рѣдкимъ явленіемъ. А теперь? Мы живемъ въ атмосферѣ казней. Ежедневно мы читаемъ извѣстія о смертныхъ приговорахъ и казняхъ. Мы привыкли къ этому. Мы равнодушны. Нѣтъ стыда. Нѣтъ возмущенія.

Когда мы читаемъ въ художественномъ произведеніи, что смертная казнь вызываетъ и въ исполнителяхъ, и въ свидѣтеляхъ и во всемъ обществѣ укоры совѣсти, стыдъ, чувство жалости, состраданія, возмущенія, мы понимаемъ, что авторъ протестуетъ противъ смертной казни. А когда мы читаемъ, что смертныя казни становятся привычнымъ дѣломъ, обыденнымъ явленіемъ, что нѣтъ стыда, нѣтъ возмущенія при видѣ казней, мы понимаемъ, что авторъ протестуетъ вдвойнѣ: вѣдь это значитъ, что практика смертныхъ казней ведетъ къ атрофіи нравственнаго чувства, что она заглушаетъ самые высокіе альтрустическіе порывы въ человѣкѣ.

Что мы скажемъ?

Въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы" за текущій, 1910, годъ помѣщена статья проф. Кузьмина-Караваева, озаглавленная „Еще годъ казней", Извѣстный юристъ, публицистъ и общественный дѣятель останавливается на вопросѣ, на которомъ онъ уже неоднократно останавливалъ вниманіе читателей на страницахъ періодической печати, вниманіе народныхъ представителей въ Государственной Думѣ.

На этотъ разъ г. Кузьминъ-Караваевъ выдвигаетъ новую сторону дѣла: обсуждаетъ вопросъ о смертной казни съ точки зрѣнія національнаго самолюбія. Въ сентябрѣ 1910 года въ Вашингтонѣ состоится международный тюремный конгрессъ. Соберутся на конгрессѣ со всего культурнаго міра люди, принимающіе то или иное участіе въ примѣненіи карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ борьбы съ преступностью. Тутъ будутъ и теоретики, и практики: ученые профессора, адвокаты, судьи, директора тюремъ, тюремные врачи... Въ программу конгресса внесенъ и вопросъ о смертной казни. Наши казни предстанутъ на судъ науки и общественнаго мнѣнія всего культурнаго міра. Что мы скажемъ на судѣ?

Мы скажемъ, что у насъ въ теченіе одного года казнили 600 человѣкъ, что это случилось не въ XVI и не въ XVII в., а въ началѣ XX вѣка: въ теченіе прошлаго, 1909, года казнили 600 человѣкъ. Мы скажемъ, что это—не исключительный годъ: въ 1906, въ первомъ по введеніи конституціи году, казнили 628 человѣкъ; затѣмъ, ежегодно казнили приблизительно столько же. Мы скажемъ, что казни продолжаются, хотя революція уже отошла въ область преданій, что казни назначаются за преступленія, ничего общаго съ политикой не имѣющія. Мы скажемъ, что у насъ были случаи казни несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ и дряхлыхъ стариковъ. Мы скажемъ, что засѣдающіе въ третьей Государственной Думѣ народные представители не торопятся съ разсмотрѣніемъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни.

Нельзя не согласиться съ проф. Кузьминымъ-Караваевымъ: все это мы должны сказать Но прибавлю: мы можемъ сказать и нѣчто другое.

Мы можемъ сказать, что не разъ раздавался въ русскомъ обществѣ вопль измученной души: „довольно крови! долой смертную казнь!“; что первымъ законопроектомъ, принятымъ первой Государственной Думой былъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни; что русская наука, въ лицѣ почти всѣхъ русскихъ ученыхъ криминалистовъ согласно и единодушно осудила смертную казнь; что наша художественная литература, въ лицѣ подавляющаго большинства писателей-художниковъ, энергично протестуетъ противъ смертной казни.

